

Кровавая весна

Автор:

Дем Михайлов

Кровавая весна

Дем Михайлов

Мир ИзгояИзгой #6

Страшное свершилось – некромант Тарис Ван Санти вернулся из небытия и встал во главе темных шурдов. Обретя нового, куда более умного и могущественного предводителя, шурды снялись с родовых гнездилищ в заснеженных горах и начали настоящую войну против всего живого в Диких Землях. Вырезаются и выжигаются людские поселения, рекой течет невинная кровь, но древнему Тарису Некроманту этого мало – ведомый любой ненавистью он уже предвкушает встречу со своими врагами. Один из его кровных и ненавистных врагов – барон Корис Ван Исер, на чье поселение уже обратил свой взор восставший из мертвых некромант.

Дем Михайлов

Кровавая весна

Пролог

Темная стылая вода мертвого озера с едва слышным шипением набегала на осклизлые каменные ступени мрачного зиккурата, покрытого снегом и льдом. Вода набегала и неохотно отступала, оставляя на камне почерневшие обломки веток, мелкое крошево льда и клочья серой пены. На озеро налетел резкий

порыв зимнего ветра, с завыванием промчавшись над водой и на мгновение загнувшись глухое гортанное бормотание.

На обращенной к берегу стороне зиккурата виднелись полусогнутые фигуры – невысокого роста, кособокие, закутанные в шкуры и обвешанные ожерельями из ракушек и разноцветных камней. Не меньше десятка темных гоблинов пришли сегодня к опустевшему храму своего божества. И по их скорбным голосам было легко понять, насколько сильно они опечалены и погружены в тоску.

Неслаженными голосами бубня нескладную молитву, они мерно покачивались, изредка опускаясь на колени и прикасаясь лбами к холодному камню. Гоблины выражали глубокую скорбь. Изливали свое невероятное горе. Их взоры неотрывно смотрели на вершину зиккурата, где еще совсем недавно в небольшой комнате стоял каменный саркофаг с телом их погруженного в вечный сон божества.

Шурды были полностью поглощены молитвой, и именно поэтому не заметили, как за их спинами на поверхность озера вырвалось несколько крупных пузырей, затем вода забурлила, где-то у самого илистого дна полыхнуло тусклым зеленым светом. Полыхнуло и мгновенно погасло.

Самый молодой и поэтому стоящий позади всех шурд все же уловил что-то и бросил через плечо короткий взгляд, не прекращая проговаривать слова молитвы. Но темная вода уже успокоилась, ничто не указывало на недавнее волнение, и шурд отвернулся.

Привязанный к выступающему камню плот вздрогнул и покачнулся. Покачнулся так, словно что-то его толкнуло и слегка приподняло. Еще мгновение, и в гнилую древесину бревна вцепились мокрые белесые пальцы с почерневшими и неимоверно отросшими ногтями. Несколько черно-серых кривых ногтей мгновенно сломались с едва слышным противным хрустом. Но на мертвую хватку руки это не повлияло – пальцы вцепились еще крепче, напряглись, принимая на себя вес кого-то, силящегося выбраться из стылой воды мертвого озера, раскинувшегося поверх руин некогда великого портового города.

Когда стоящий позади своих сородичей темный гоблин ощутил на своей лодыжке мертвую хватку, за которой сразу последовала резкая ослепляющая боль, он успел издать пронзительный короткий звук и инстинктивно взглянуть

вниз. Еще он успел заметить вонзившийся в его ногу странной формы кинжал и сжатую на его рукояти уродливую разбухшую ладонь. Издать крик ужаса он уже не успел. Горло перехватил спазм, сердце судорожно дернулось, затрепыхалось и затихло навсегда. Шурд умер не от смертельного удара и уж тем более не от потери крови. Да и рана была неглубокой. Нет. Гоблин умер от мгновенной потери жизненной энергии. И от непереносимой боли. Старший Близнец причинял своим жертвам ужасные муки. В ногу гоблина вонзилось именно его искривленное и зубастое лезвие – страшное просто одним своим видом, а уж если вонзится в живую плоть...

С коротким отрывистым стуком шурд упал на обледеневшие ступени и с легким плеском соскользнул в черные воды мертвого озера, исчезая в них навсегда. То ли его сородичи не были настолько поглощены молитвой, то ли проявились звериные инстинкты, предостерегшие о смертельной опасности, но все резко обернулись к источнику шума. Обернулись и замерли от непонимания происходящего – стоявший позади сородич бесследно исчез, а из ледяной воды медленно поднималась человеческая фигура, окутанная морозным паром. Синие губы кривились в судороге, вместо глаз – выпученные бельма, светлые волосы мокрыми сосульками облепили смертельно бледное лицо с проступающим сквозь кожу темным узором вен. Ни одно существо не могло выглядеть так страшно и при этом сохранять способность к движению. Ни одно... кроме... кроме того, кто уже умер...

Из воды медленно восставал труп. Мертвяк. Зомби.

Всего лишь обычное мертвое тело человека, поднятое темной силой некромантии. Ни одного шурда не могло испугать появление мертвяка. Для них подобные мерзкие существа были всего лишь безмолвными и покорными слугами. Но сейчас уродливые лица темных гоблинов серели на глазах от охватившего их ужаса. А их застывшие взгляды не могли оторваться от предмета, зажатого в мертвых пальцах.

Кинжал.

В правой руке восставшего был намертво сжат странный костяной кинжал с зазубренным лезвием и ярко полыхающим драгоценным камнем в рукояти. Кинжал, описание которого все шурды знали наизусть и передавали из поколения в поколение, не осмеливаясь при этом изменить ни одного слова. Ведь именно с помощью этого кинжала зародилась раса шурдов... Сила именно

этого кинжала изменила их судьбу, превратив из миролюбивых гоблинов в изуродованных с рождения, вечно больных, зачастую гниющих заживо, но куда более умных шурдов... с совершенной памятью...

Сейчас шурды смотрели на легенду! На породившую их легенду!

Старший Близнец. Страшное оружие темного божества и прародителя Тариса Темного, одно имя которого вызывает божественный трепет и ужас одновременно.

Остолбеневшие шурды переглянулись и слегка попятились. Их исковерканные темной магией мозги забуксовали, не в силах принять правильное решение, не в силах принять любое решение.

Перед ними был бог! Их бог! И одновременно страшное древнее чудище, не знающее пощады.

Шурдам не дали много времени на обдумывание. Мертвяк сделал неуверенный, но широкий шаг вперед, и еще один гoblin тонко вскрикнул от пронзившей его ужасной боли. Вскрик перешел в хрип, и шурд рухнул на холодный камень.

Рот мертвяка приоткрылся, и вместе со струями гнилой воды и парой соскользнувших с нижней губы почерневших зубов оттуда вырвались шелестящие слова:

- Лучше... уже лучше...

С этими словами зомби коротко и резко взмахнул кинжалом, стряхивая с лезвия кровь, и вновь шагнул к неудержимо пятящимся шурдам.

Мечта темных гоблинов сбылась! Их бог вернулся! Вот только бог явно был не настроен внимать своим уродливым подданным.

* * *

В этот ничем ни отличающийся от остальных предвесенний день святой отец Магниус оказался свидетелем загадочного и одновременно трагичного происшествия.

Вот уже двадцать восемь лет священник умело управлял хозяйственными делами столичной резиденции Светлой Церкви. И заслуженно гордился этим пусть скромным, но достижением. Большого ему и не требовалось. Он никогда не стремился устроить свою карьеру, взбираясь по крутой лестнице к Престолу.

Управляющий столичной резиденцией Церкви! Вполне достойное положение, и за долгое время нахождения на этой должности он полностью оправдал возложенное на него доверие. А если вспомнить, что родом он из забытой всеми крохотной деревушки и появился на свет в обычной крестьянской семье... Но это уже была бы неприкрытая гордыня, и благочестивый отец Магниус старательно отгонял от себя подобные греховные мысли... Смирненное служение Создателю – вот что главное, а остальное просто мирская шелуха.

Впрочем, как ни старался святой отец отогнать от себя эти мысли, изредка они посещали его, и тогда походка обретала особую неторопливость и важность.

Вот и сегодня отец Магниус неспешно шел по широкому коридору, ведущему в главный обеденный зал. На вечер назначен важный ужин, к которому присоединится сам его преосвященство, и требовалось проверить, как идет подготовка к столь серьезному событию. Не должно быть ни малейших накладок!

Шелестя просторными белоснежными одеяниями, священник прошествовал мимо ничем не примечательного невысокого столика. Невзрачного столика, если уж на то пошло.

Колченогий, из небрежно отесанной древесины, покрытый глубокими трещинами и без малейших следов полировки. Такой стол идеально подошел бы для любой деревенской избы, но в богато отделанном коридоре, украшенном старинными картинами и древними статуями – здесь этот стол казался абсолютно неуместным и смотрелся столь же чуждо, как деревянный черпак среди хрустальных фужеров.

А если учесть, что рядом с этим уродцем постоянно находилась стража, то все становилось еще более непонятным и гротескным. По левую сторону – закованный в полный доспех воин с застывшим бесстрастным лицом. По правую – сухонький старик-священник, спрятавший руки в широких рукавах простенького балахона. Денно и ночью. Из дня в день. Из года в год. Уродливый столик никогда не оставался в одиночестве.

А в центре овальной столешницы – непонятный прямоугольный кусок камня, украшенный замысловатой резьбой и больше всего похожий на плотно закрытую шкатулку. В таких обычно держат украшения или важные бумаги. Но ни первое, ни второе не было ни малейшего смысла держать в коридоре.

Сначала это зрелище смущало отца Магниуса, но со временем он привык, и, уже не замечая несущую пост стражу, с безразличием проходил мимо. Но сегодня...

Едва управляющий поравнялся с молчаливой стражей, произошло сразу несколько событий, сменяющих друг друга с молниеносной быстротой.

С легким треском на каменной шкатулке появилась длинная горизонтальная трещина, и вздрогнувшая крышка слегка приоткрылась. Треск повторился, стал непрерывным, на поверхности камня одна за другой появлялись все более глубокие трещины, а затем... шкатулка на мгновение окуталась белым сиянием и... беззвучно рассыпалась бесформенной грудой камней. Стоящий рядом со столом старенький священник медленно оседал на пол, не сводя расширенных глаз с остатков шкатулки и разевая рот в тщетной попытке что-то произнести. Одна рука вцепилась в грудь, другая судорожно шарит внутри привязанного к поясу белого полотняного мешочка. А воин... Снося все и вся на своем пути, воин огромными прыжками мчался по коридору, направляясь в самое сердце резиденции. Туда, где были расположены личные покои его преосвященства.

Глава первая

Вновь посетившая нас смерть

Яростно взревев, я поддал ногой уткнувшуюся в окровавленный снег плешивую голову шурда, отбросив ее на десяток шагов в сторону к вылизывающему густую шерсть сгарху. Огромный зверь, чью белоснежную шерсть обильно испятнали потеки свежей крови, лениво переступил с лапы на лапу под аккомпанемент захрустевших костей – голова темного гоблина превратилась в бесформенную лепешку.

– Проклятье! Проклятье! – я буквально кипел от переполняющей меня ярости, с дергающегося в судорогах лица дождем сыпалось ледяное крошево, закованные в сталь руки жаждали вцепиться в чье-нибудь горло и сжать его покрепче. Сжать до хруста ломающихся позвонков!

– Успокойтесь, господин, – прогудел стоящий рядом Рикар, устало опираясь на рукоять боевого топора. – Чего уж теперь... Случается.

– Тройх! Потерять тройх! И потерять так глупо! – прошипел я, опускаясь на колено и обеими руками зачерпывая ноздреватый снег. – Проклятье!

Прижав к лицу снежный компресс, я несколько мгновений наслаждался холодным прикосновением к обожженной коже. В этот раз внутри подземного поселения гоблинов было слишком тепло. И слишком много горячего и невероятно вонючего дыма. Я почти почувствовал себя оленьей тушей, подвешенной на вертеле над пылающим костром.

– Этого стоило ожидать, – тяжело выдохнул здоровяк. – Но вашей вины здесь нет, господин. Кто мог знать, что у этих вонючек есть подобная тварь? Как вы ее назвали?

– Киртрасс, – глухо отозвался я. – Любимые детища Тариса – костяные пауки, созданные из тел и душ жестоко замученных детей. Проклятье! Неудивительно, что мы не углядели эту тварь снаружи – ее и не выпускали. Да и куда она побежит – один костяк да череп, все лапы обкромсаны... Но как же быстро она сработала... как же быстро... Ты сам-то как?

– Не помру, – пожал плечами Рикар, покосившись на небрежно перетянутую тряпкой руку чуть выше локтя. – Едва задел, гаденыш. Задел, и окочурился.

– Любой бы окочурился, – хмыкнул я, тяжело поднимаясь на ноги. – От такого удара у него, поди, ни одной кости целой не осталось. Но в следующий раз пойдешь со щитом и коротким мечом. Ну, или с топором раза в два меньше твоей громадины!

– Господин!

– Ты меня слышал! – зло отрезал я. – Этой оглоблей в тесных шурдских крысиных норах не сильно размахнешься. Впрочем, если не хочешь менять оружие, то оставайся при нем. Но под землю я тебя не пушу, так и знай. Сегодня тебе просто повезло, Рикар!

– Да, господин, – вздохнул бородач, покоряясь неизбежному. – Ваша правда...

– Проверь остальных. И пусть готовятся к выходу. Пора возвращаться домой.

– Слушаюсь, господин Корис! – рыкнул Рикар и зашагал прочь.

А я повернулся и бросил мрачный взгляд на зияющую в земле неправильной формы дыру, изрыгающую столб черного дыма. Еще одно поселение шурдов. Бывшее. А теперь это братский могильник для очередной общины темных гоблинов, которые уже никогда не восстанут из мертвых. И не послужат материалом, столь необходимым для проведения некромантских ритуалов. Под землей остались только хрупкие обугленные кости. Мы тщательно позаботились об этом!

Все бы хорошо, вот только слишком дорогой ценой мне обошлась эта победа. Разменять трех человек на четыре десятка уродливых шурдов, пятерку костяных пауков и одного киртрасса – для меня это слишком дорого. А если учесть, что нападали мы силами трех десятков хорошо обученных и экипированных воинов, трех сгархов, одного ниргала и меня с набором жадных до крови щупалец – в общем и целом, это был полный провал тщательно подготовленной операции.

Хотя начиналось все довольно неплохо и по уже отработанному сценарию. Долгая разведка, бесшумное уничтожение вылезавших наружу шурдов, блокирование всех выходов и входов силами сгархов и лучников. Да и шурдское поселение не впечатляло размерами и количеством населения. Короткая команда, и воины слаженными группами ринулись внутрь вонючих нор. Началось

поголовное истребление верещащих от ужаса гоблинов.

А затем все пошло наперекосяк – в одном из отнорков оказалось нечто вроде тюремной камеры с единственным заключенным – древним, как сама смерть, киртрассом. Безлапый и недвижимый, с потрескавшимся и пожелтевшим от минувших веков клыкастым черепом, в глазницах которого едва теплился призрачный свет. Жалкие останки некогда ужасного создания. Но несмотря на это, по-прежнему обладающий смертоносной магией подчинения.

Когда я ворвался внутрь, трое моих воинов уже лежали в лужах собственной крови, а четвертый медленно опускался на колени, сам подставляя шею под изогнутые клыки неподвижной твари. Его я спасти успел – ухватил за плечи и мощным рывком откинул назад. Поднабравший сил киртрасс злобно полыхнул глазницами, пронзительно заскрежетал и, получив сдвоенный удар щупальцами, подох, превратившись в замшелую грудку обычных костей, вихрем разлетевшихся в разные стороны от моих яростных пинков. Я опоздал. Поганая тварь успела устроить себе прощальное пиршество. Но кто мог знать? Кто мог предполагать, что шурды непонятно для каких целей затащат к себе в норы древнюю нежить?

И Рикар сегодня со смертью едва-едва разошелся. Во время очередного замаха его огромный топор наглухо завяз во влажной земляной стене, и воспользовавшийся этим шурд успел-таки ткнуть здоровяка своей ржавой пародией на настоящий меч. И попал ведь, уродец! Попал и отлетел назад от сокрушительного пинка в тщедушную грудку. Гоблин выплюнул фонтан крови и умер, а здоровяк отделался небольшой раной.

Нет, сегодня явно не наш день. Будь оно все проклято...

– Господин! Все готово.

Вздрагнув, я оторвался от созерцания колышущегося столба дыма и коротко кивнул:

– Выдвигаемся.

Выждав, когда мимо протянется последняя волокуша, я пристроился следом и мерно зашагал вперед. Оставшиеся без моего контроля щупальца обрадованно

дернулись в стороны, поднялись над головой и хищно затрепетали, потянувшись к моим спутникам, от которых исходила такая вкусная жизненная энергия. Эти растущие из моей шеи ледяные змеи никогда не могли насытиться.

Одно из щупалец подобно гарпуну стремительно метнулось вперед и вонзилось в снег. Через секунду внутри отростка проскользнула едва заметная искорка энергии. Мышь. Или другая мелкая зверушка. Мир ее праху.

– Вы никогда не нажретесь, да? – недовольно буркнул я и, на мгновение приостановившись, сосредоточился на своих новых конечностях.

Висящий над моей головой веер щупалец вздрогнул и нехотя начал опадать мне на плечи толстыми извивающимися пучком, сплетаясь друг с другом. Спустя минуту я вновь зашагал вперед, но уже без змееподобного ореола. Обычный воин в массивном доспехе и черном плаще, почти близнец шагающего впереди ниргала. Конечно, если не обращать внимания на свисающий между лопаток и скрученный в замысловатую косу толстый жгут из неподвижно застывших ледяных отростков.

– Такие деньжищи пропадают, – хмыкнул пристроившийся за моим плечом здоровяк.

– О чем ты? – устало спросил я. Усталость не физическая, но моральная. Слишком много нервов я трачу при каждой атаке очередного шурдского гадючника.

– Ну, дык! За каждую шурдскую головенку награда положена, господин. Чтобы воины Пограничную Стену рьянее обороняли. И за пауков награда имеется. А уж за поводыря... Ежели какой воин костяной гребень начальству представит, то столько деньжищ отвалят!

– Хм, атаковать не атакуют, а только обороняются, да еще и награду за это получают, – протянул я и, поворочав в голове эту мысль, отбросил ее как бесполезную. – Нам награды не дадут, Рикар.

– Это точно, – вздохнул мой верный друг. – Нам и гроша на ладонь не положат. И винца не нальют.

– А мы делаем за них их работу. – продолжил я с кривой усмешкой. – Чем больше темных гоблинов мы истребим, тем меньше этих уродливых созданий явится к Пограничной Стене. Но пусть не радуются так рьяно – я беру таймаут.

– Ась?! Чего берете, господин?

– Перерыв, – буркнул я. – Паузу. К следующему поселению шурдов соваться пока не будем. Пора вернуться к подзапущенным делам домашним. Пусть люди отдохнут.

– И гномы! – ревниво встрял идущий рядом с волокушей гном. – И сгархи!

– И гномы, и сгархи. – согласно кивнул я, хлопая обидевшегося за свою расу коротышку по плечу: – Вы все мои, и за каждого я в ответе.

– Мы знаем, друг Корис! Мы знаем! – заверил меня гном, весело сверкнув серыми глазами.

– И пираты! – донесся веселый оклик.

– А пираты не люди, что ли?! – не выдержал Рикар. – Ты по сторонам смотри, ушастый!

– Вот-вот. – заметил я, подталкивая здоровяка в спину. – Что-то все слишком уж расслабились. На сгархов надеются? Никто, мол, нас не тронет, пока такие грозные зверюги рядышком идут? А? Командуй, Рикар, пусть соберутся чуток. От отравленной стрелы сгархи не уберегут.

Услышав мои слова о сгархах, гном обиженно засопел и, проваливаясь в глубоком снегу, пробрался к ближайшему белоснежному зверю и ласково похлопал его по густошерстому боку. За любимцев обиделся.

Да, гномы и сгархи – это уже совсем другая история.

Огромные и величественные звери просто покорили гномов. Не знаю уж, чем именно. Но теперь у каждого из обитающих в нашем поселении зверей было свое особое имя-прозвище, все они были всегда ухожены и сыты. Не только

мясо, но и рыбку, которая сгархам очень даже понравилась, трескали каждый день. Мой тезка хозяйственник лютовал, бесился и устраивал засады в коридорах пещеры, дабы остановить скармливание рыбы зверям, которым, по его словам, и «куска оленины за глаза хватит». Гномы не внимали увещаниям, и жирную рыбешку сгархи получали исправно. Потом уже выяснилось, что гномы пробили в норы к своим любимцам обходной коридор в скальной толще и таскали гостинцы через него. Когда это обнаружилось, крику было много!

Самки так и вовсе превратились в белоснежные упитанные шарики и приобрели весьма скверный характер. Настолько скверный, что мужикам любой расы и породы лучше вообще не подходить, если не желаешь научиться летать. Высоко и далеко, но недолго. В этом мы убедились на примере нашего колченогого гоблина Горкхи.

В тот день толстобокие матроны решили понежиться под лучами холодного солнца и ненадолго покинули свои темные норы, тут к ним и подскочил радостно улыбающийся Горкхи. Он еще успел сказать что-то вроде «Горкхи очень рад...», после чего последовало молниеносное движение лапы, и, уподобившись оципанному соколу, гоблин с переходящим в ультразвуковой диапазон верещанием внезапно полетел, аки птица...

Слава Создателю, все обошлось. Горкхи отделался испугом, а самцы сгархов разъяснили нам, что к концу срока беременности самки становятся не просто раздражительны, а крайне раздражительны и свирепы. Поэтому мужикам лучше к ним не подходить. В том числе и собственным мужьям. А женщинам и детям можно, их не тронут и даже обласкают.

Очухавшийся Горкхи издали выслушал объяснения, гордо выпятил тощую грудь и, хлопнув по ней ладошкой, заявил:

– Да! Горкхи мужик! – после чего гоблин был бит испугавшейся за него Нилиеной и загнан в пещеру от греха подальше.

А мы получили бесценный урок – к беременным самкам сгархов соваться не стоит. Убить не убьют, но приятного будет мало. Впрочем, и у людей так же – беременных женщин стараются не сердить.

Кстати, о гоблинах...

– Рикар!

– Слушаю, господин! – отозвался здоровяк.

– Ушастых красавиц не забыли?

– Не забыли, господин Корис, – успокоил меня бородач. – В волокуше под шкурами затаились. До того тощие, что смотреть страшно.

– Вот и хорошо, – махнул я закованной в стальную перчатку ладонью. – Проследи за ними. Поесть дай, попить... ну, ты понял.

– Дык не берут, – ответил другой охотник. – Уже предлагали, господин. Боятся.

– Тогда пусть терпят до самого дома, там их накормят, – фыркнул я и, покосившись на солнце, вновь надел снятый было шлем.

Под «ушастыми красавицами» я подразумевал гоблинш. Не темных, конечно, упаси Создатель, а простых, пещерных. Сородичей Горкхи. И вез я их специально для нашего покалеченного гоблина. Для компании. А если кроме дружбы с сородичами он чего больше возжелает, то пусть сами договариваются.

Честно говоря, все получилось случайно. Во время подземного боя, когда я залетел в очередной тупик, ударом ноги отшвырнул ворох прелых шкур, увидел эти двух заморышей женского рода. Невероятно худые, покрытые грязью, одетые в жалкие обрывки, обнявшиеся и дрожащие от дикого ужаса, они не сводили с меня испуганных глаз. Поняв, что это обычные гоблины, чья раса полностью превращена шурдами в рабов, я остановился. И успел остановить удар ледяных щупалец. Взглянул на гоблинш и рокошуще проговорил:

– Сидите здесь! Спрячьтесь под шкурами и не высовывайтесь.

После чего покинул тупиковый отнорок, машинально запоминая его местоположение. Если послушаются меня и останутся на месте – у них есть шанс выжить и не попасть в устроенную нами мясорубку. Если выскочат в коридор – их ждет смерть. Если не от оружия моих воинов, то от клыков и лап стерегущих снаружи сгархов. В любом случае я плакать не буду. Но ничего не случилось.

Обе... девушки – а они и правда оказались очень молоды, лет семнадцать-восемнадцать по человеческим меркам – не двинулись с места, и когда я вспомнил о них и вернулся после боя, послушно ждали, забившись под шкуры.

Тогда у меня и родилась эта идея. И сейчас обе гоблинши на волокуше ехали к своему новому дому. Ехали свободными. Я приказал не связывать их. Если побегут – мои стрелки всегда наготове и стреляют метко. Да и сгархи будут рады представившейся игре в догонялки. Если останутся – возможно, у них есть будущее. Такого варианта, как «пусть себе убегают», не существовало. Кто знает, сколько всего успели подметить и услышать глазастые и ушастые красавицы. А они ведь ничего не забывают...

Впрочем, вездесущий Рикар уже успел поговорить с ними, объясняясь жестами и обрывками фраз. Наш язык чумазые девушки знали плохо. Но, учитывая их память, это дело быстро поправимо. Не знаю, что моя бородатая нянька им сказала, но гоблинши сидели тихо и проблем не доставляли. Пока.

– Господин! – не выдержал один из воинов. – Дозвольте спросить!

– Говори.

– А что с ними делать-то будем?

– Улучшать породу. – отмахнулся я. – Мне откуда знать? Хм... пусть Горкхи решает, что с ними делать... хм...

С минуту над медленнодвигающимся вперед отрядом висела тишина, а затем грянул дикий хохот, и посыпались самые различные предположения, как именно Горкхи может использовать свалившийся на него двойной подарок. Ну, вот и разрядились уставшие воины. Прошла горячка боя.

Уловив мелькнувшую рядом громадную тень, я взглянул на нависшего надо мной сгарха. Трехпалый. Старый друг, проверенный в боях. Уже успел повалиться в снег и вылизаться, но на шерсти еще видны кровавые разводы и брызги. Сегодня зверь отвел душу, немного утолил свою жажду мести пленившим и жестоко истязавшим его шурдам. Хотя нет – не утолил. Лишь немного пригасил. Но вскоре злое пламя разгорится вновь. Потому что такое не прощается никогда. Всей крови шурдов не хватит, чтобы погасить мстительную ярость гигантского

зверя.

– Прокатимся, мой старый друг? – спросил я и, услышав донесшийся утвердительный рык, шагнул к припавшему к земле сгарху.

Далеко впереди виднелся смазанный силуэт громадной горы, царственно возвышающейся над холмистой равниной. Подкова. Наша крепость. Наш дом.

Глава вторая

Крепкое хозяйство – основа всему. От снежной вершины в темное подземелье

Утро началось бодро – с шума.

Вопреки всем невзгодам, население Подковы увеличивалось. К людям добавились гномы, затем сгархи, а теперь еще и несколько гоблинов – обычных, не изуродованных темной магией Тариса, но донельзя запуганных. Как результат, шума и гама в поселении стало куда больше, чем было во время его основания.

Полулежа в громадном сугробе на вершине нашей защитной стены, я лениво прислушивался.

Вот сонное ворчание сгархов-самцов, выползших из промерзлых рукотворных нор в толще скалы. Разминают мышцы и готовятся к вылазке за добычей. Охота – это их обязанность, один из самых важных источников продовольствия. Величественные разумные звери не хотят быть обузой.

Звонкие и быстрые выкрики на гномьем языке – коротышки не могли пропустить момент, когда их любимые сгархи проснутся. И сейчас суетились вокруг громадных зверей, тщательно проверяя любимцев – а вдруг в шерсти колтуны или, не дай Создатель, коготь надломился на одной из лап? Сгархи к вниманию относились крайне благосклонно – особенно после того, как отяжелевшие самки стали крайне раздражительными и муженьков не жаловали, то и дело норовя вlepить им оплеуху.

Мешанина разных языков, сплошной гомон. Все настолько смешалось, что я мог вычленишь лишь разрозненные фразы и слова. Несколько человек таскали промерзшие дрова в пристройку к пещере. Некоторые охотники уже успели плотно позавтракать и сейчас вышли на морозный воздух, всматривались в низкое серое небо, обсуждая сегодняшнюю погоду и соображая, будет ли снегопад аль обойдется. Там же крутился Стефий, своим ломающимся подростковым голосом выпевая слова благословения и окуривая охотников дымом священного цветка Раймены. Едва услышав начало молитвы, я буквально вжался в снег, великолепно помня, что со мной делает святая магия. Хорошо хоть ветер не в мою сторону – ощутить запах Раймены я не желал абсолютно. Как ни крути, а я теперь создание тьмы. Страшное и уродливое, с ореолом смертоносных щупалец за плечами, покрытой инеем кожей и замерзшими до хруста глазами яблоками.

К шуму во дворе добавился первый стук молотков – который теперь не замолкнет до самого вечера. В поселении постоянно мастерили что-то новое и чинили поломанное: дощатые перегородки между личными закутками, столы, кровати, скамейки, полки, настил на пол – всего необходимого не перечислить. Послышались пропитанные морским духом словечки. Бывшие пираты кляли холодную погоду и одновременно обменивались мнениями о мастерстве кухарок, стряпавших сытный и вкусный завтрак. Еще бы не стряпали – стоящая во главе кухни Нилиена правила твердой рукой.

А вот это что-то новенькое: я услышал совсем непонятный для меня язык. Крайне быстрый, тараторящий с невероятной скоростью. Язык непонятен, а вот произносящий его голос очень знаком. Горкхи. Искалеченный нами и нами же обласканный гоблин. Чего это он так разошелся с утра пораньше? Обычно ведет себя тихо как мышка – столь же незаметный и вороватый. А тут прямо шумит на всю Подкову... причем голосок хоть и остался писклявым, но преисполнился властностью, важностью и чуть ли не величием коронованной особы...

Заинтересовавшись, я под аккомпанемент снежного хруста восстал из сугроба и взглянул вниз на двор поселения. Коротко повел взглядом и сразу же обнаружил искомое – хрупкую фигурку Горкхи, закутанного в меховую одежду, с нахлобученной на голову шапкой, сползшей чуть ли не до самой переносицы. Она была явно ему не по размеру, к тому же донельзя мне знакомой – это была новая шапка Рикара, сшитая ему женщиной, с которой он в последнее время жил уже в открытую в одном из благоустроенных закутков пещеры. И я сильно сомневаюсь, что здоровяк мог подарить гоблину с любовью сшитый из волчьей

шкуры подарок. Так что вывод однозначен – гоблин ее спер. Наверняка с кухни, где вся меховая одежда после вылазок просушивалась на специальных жердях, пущенных вдоль стен. Довольно смелый и самоубийственный поступок совершил сегодня вороватый гоблин. Рикар может и прибить. Рука у него тяжелая. Вот уж точно – на воре и шапка горит. Скоро Горкхи получит нахлобучку.

Но интересней всего была не ворованная шапка, а само поведение гоблина. Бодро прыгая на деревянной ноге, Горкхи заложил ручки за спину, выпятил грудь, надул щеки, выпятил губы – и таким важным воробьем вышагивал перед двумя гоблиншами, преданно поедающими его взглядами и внимающими величавым речам мужчины.

– Патриархат в действии. – пробормотал я, выживая из памяти еще одно непонятное словечко. – Ну, Горкхи...

Языка я не понял, но по поведению гоблина и так все было предельно ясно. Указующие жесты на коровник, конюшню, курятник, на церковь, поленницы дров, замороженные в снегу олени туши, на серые окружающие скалы, на стену – гоблин снисходительно рассказывал новеньким, где и что находится, и как все устроено в этом великом поселении, где он, добрый и могущественный Горкхи, изволит проживать. Причем жесты были разными и преисполненными смысла. Если на курятник гоблин указал коротко и просто, то при указании на разминающихся сгархов и темнеющие за их телами входы в пещеру, где еще спали самки, рука гоблина заметно дрожала, а на лице отобразился нешуточный страх. У гоблинов великолепная память, и свой полет Горкхи не забудет никогда, даже если искренне и хотел бы этого.

Палец гоблина ткнул в ведущую на стену лестницу. Одноногий Горкхи что-то пояснил внимающим женщинам, повел рукой выше и уткнулся прямо в мое лицо. Палец резко затрясся, как и все тело гоблина, глаза расширились. Горкхи лягнул зубами и громко выпалил, задрав обе руки вверх:

– А это великий господина!

– Великий господина! – послушным хором отозвались гоблинши, задирая руки над головой. Причем прокричали сознательно – потому что уже видели меня там, в зловонных шурдских норах, когда я едва не лишил их жизни.

– Великий злобный господина! – продолжал самозабвенно орать Горкхи.

– Великий злобный господина! – поддержали его гоблинши, продолжая держать руки над головой.

– Великий, великий, страшный злобный господ...

– Молчать! – взревел я, находясь отнюдь не в восторге от чествующих меня гоблинов.

– О-о-о! – зашелся в экстазе от моего крика гоблин. – Очень великий и громкий...

– Убью! – многообещающе прошипел я, вставая во весь рост. Щупальца мгновенно уловили мою ярость и, расплетясь, воспарили у меня над головой.

Во дворе мгновенно воцарилась гробовая тишина.

По вполне понятной причине – когда на высоченной стене появляется грозная закованная в заиндевевший металл фигура воина с белым замороженным лицом и венцом из извивающихся серых щупалец...

Просто великолепно!

Неплохо я пожелал доброго утра своим людям, гномам и сгархам! Дал им хорошего настроения! Ага... Чертовы гоблины!

Тишина стояла гнетущая. Надо было срочно что-то менять.

И поэтому появление из пещеры сонного Рикара я воспринял как явление божьей милости и сразу же громогласно рявкнул:

– Рикар!

– Да, господин! – хрипло отозвался здоровяк, мгновенно найдя меня взглядом.

– Шапка! – мой палец, не дрогнув, указал на Горкхи.

- Шапка? – непонимающе крикнул в ответ бородач, лениво скользая взглядом в указанном направлении. Стоило ему увидеть на голове гоблина свой любимый головной убор, голос Рикара приобрел многообещающую суровость. – Шапка! Ах ты, склирсово отродье! Моя шапка!

- Нашел! Возвращаю! – тут же сориентировался пятящийся гоблин, стаскивая со своей дурной головы ворованную шапку.

- Я сам заберу! – в ярости прохрипел Рикар. – Вместе с твоей головой!

- И-и-и-и! – отозвался на это предложение гоблин, шустро устремляясь в противоположную сторону от надвигающегося здоровяка.

- Стой! А то вторую ногу вырву! Стоять! А я-то думаю – куда шапка с жерди подевалась?! Стой! А вы-то куда бежите ровно оглашенные?! До вас мне дела нет!

Только в этот момент я понял, что гоблинши стремглав понеслись за своим новоявленным одноногим предводителем, старательно вопя и причитая. Слепые инстинкты? Солидарность? Кто знает...

За несколько мгновений преследуемые и преследователь скрылись в прилепившейся к скале пристройке. А я облегченно выдохнул и начал медленно опускаться в родной сугроб. Главное сделано – внимание жителей отвлечено от моей нескромной и далеко не милой персоны. Взор я не радую.

Нагребая на себя снег, я прислушивался к общему гомону, в котором сейчас преобладал веселый смех, комментарии бегства Горкхи и предположения о том, поймают ли его Рикар до того, как шустрый гоблин найдет убежище за спиной старшей кухарки. О покровительстве Нилиены забитому народцу гоблинов знали все от мала до велика.

- Доброе утро, друг Корис, – благожелательно произнес Койн, чье появление я давно уже заметил, но не подавал вида. В последние недели моя чувствительность сильно возросла. Приближение любого живого существа я ощущал заранее. Радиус небольшой, но шагов двадцать будет. Иногда такое расстояние может спасти жизнь. И дать шанс загодя предупредить друзей о

приближении опасности.

– Утро доброе, друг Койн, – качнул я головой, растягивая замерзшие губы в слабом намеке на улыбку. Улыбнулся бы и пошире, но вид с хрустом растягивающихся синих губ и облетающих с них комочков снега мало кому понравится. Поэтому я старался выражать поменьше эмоций при помощи мимики, налегая на интонацию и выбор слов. Не всякому нравится, когда с утра пораньше ему улыбается замороженный труп.

– Ты всегда на страже, – задумчиво произнес Койн, бросая взгляд по ту сторону стены, где виднелось узкое заснеженное ущелье. Голый обледенелый камень и покрытая снегом земля – ничего больше. Нашими усилиями подходы к поселению полностью просматривались. Ни кустарника, ни деревьев, ни больших валунов. Все срублено, раздроблено, убрано. – Днем и ночью охраняешь нас от врага, друг Корис. Многим нынешним правителям следовало бы брать с тебя пример.

– Я не правитель. – усмехнулся я.

– Он и есть, – не согласился со мной гном. – Он и есть. Что ж, поднимемся повыше, друг Корис? Подъемник ждет только нас. Лучше пойти прямо сейчас, чтобы потом не мешать рабочим.

Я мысленно вздохнул – несмотря на неторопливость в речах и походке, Койн никогда не сидел без дела, ничем не отличаясь в этом от своих собратьев гномов. Не отличался и в желании показать свои достижения. Как говорится, хлебом не корми, а дай похвалиться. Впрочем, все достижения гномов всегда были реальны и заслуживали искренних похвал.

– Верно. – произнес я, вставая. Правая ладонь, упертая в неприметный деревянный ящик, под скрежет сочленений доспеха моя рука выпрямилась, а древесина ящика жалобно заскрипела, принимая на себя мой вес.

На вершине стены было пять одинаковых ящиков, сработанных умельцами-мастерами. Одинаковых снаружи, внутри и по своему наполнению. За этим я следил строго. Я же и обязал соорудить ящики, тщательно просмолить щели, расставить по вершине стены и наполнить по указанному списку, который не поленился написать. В трех копиях. И еще одна в моей ледяной голове –

содержимое ящиков я знал назубок, и регулярно проверял на соответствие.

В каждом находилось по десять готовых факелов – только поднеси к костру, и они вспыхнут.

Запас просушенной щепы.

Все для высекания пламени. Это на тот случай, если на стене внезапно потухнет костер во время ночной стражи.

Два лука со снятыми тетивами, но натянуть ее для умелого человека дело одной минуты.

По пять вместительных колчанов, туго набитых стрелами.

Два колчана с арбалетными болтами.

Один арбалет. С ними у нас проблема – мало их.

Двадцать зикков – так я называл странные лопающиеся камни, испещренные гномьими рунами, с трудно произносимым названием зик-кдахор. Воины называли их ласково «дружок». Все умели ими пользоваться, но разрешалось лишь немногим – тем, кто действительно точно метает камни в цель, а не лупит ими в молоко.

Запас бинтов из драгоценной материи и останавливающая кровотечение трава.

По три закрытых горшка, доверху наполненных крепким отваром из священного цветка Раймены. На нежить действует как душ из кислоты. Если ползут мертвяки на стены, окатить их отваром – самое милое дело. Плохо только, что отвар не вечен – выдыхается довольно скоро, и приходится варить новый.

Сверток с солидным запасом того же высушенного цветка Раймены. И горшок-жаровня рядышком, с небольшим деревянным совочком внутри. Поставь горшок на стену, сыпани в него раскаленных углей из костра, сверху толченой Раймены, и готово – густой дым окутает стену, действуя на нежить ничуть не хуже отвара. И не только на нежить – на всех, в ком есть темная магия некромантии. На меня,

например, подействует за милую душу, сразу свалюсь в корчах.

И это далеко не полный список всех предметов, уложенных в ящики.

Глядя, как я ласково похлопываю ладонью по крышке ящика, Койн лишь ухмыльнулся в бороду, достал из внутреннего кармана своей меховой куртки небольшую светлую каменную табличку и при помощи небольшого черного камешка, используемого как писчее перо, быстро начертал на ней несколько заковыристых и непонятных рун. Каменная табличка – это книга для записей.

Заметив мой вопросительный взгляд, Койн пояснил:

– Забыл с утра проверить! Как спущусь, сразу загляну, проверю, все ли на месте.

Да, такие же ящики были и у гномов. Там, внизу. Расставлены неподалеку от берега подземного озера, где гномы постоянно несут бдительную стражу. Я так распорядился. Хоть нежить и боится проточной воды, но я уже не раз убеждался, что шурды хитры на выдумку. Вдруг придумают, как попасть в наш дом с черного входа? Да и от случайностей никто не застрахован. Так что лучше перестраховаться.

Правда, я немного соврал – у гномов ящики все же отличаются. Материалом. У нас ящики деревянные. У гномов – каменные. Кто бы сомневался. Когда я ничтоже сумняшеся предложил сколотить ящики из дерева, гномы на меня смотрели с недоумением и жалостью одновременно. Так смотрят на внезапно что-то вякнувшего местного дурачка. Вроде и привыкли к его непроходимой глупости, но все одно нет-нет да удивит.

Поэтому я благоразумно умолк и не стал настаивать, а гномы быстро сотворили ящики из камня, не забыв украсить внешнюю и внутреннюю поверхности замысловатыми узорами и рунами. Причем на каждом ящике узоры различные.

Чуть в стороне глухо стукнуло. Вот и платформа подъемника опустилась на вершину стены. Кивнув гному, я пропустил его перед собой и, выждав несколько секунд, неспешно зашагал следом.

Еще одно мое недавно введенное правило – я всегда иду позади. Всегда! И на небольшом расстоянии – шага в два, не меньше. Все из-за вечно голодных щупалец, жадно тянущихся ко всему живому. Я не могу постоянно их контролировать, и поэтому лучше побережусь. Все в поселении от мала до велика четко знали, что не стоит подходить ко мне со спины. Ни в коем случае. Пусть даже очень спешном. Только спереди, при этом убедившись, что я их вижу. Если же я сплю – не подходить ко мне вовсе. Детей ко мне не подпускали однозначно. По моему собственному крайне жесткому приказу. Потому что именно ко мне выражение «убьет и не заметит» подходило просто идеально. Я чувствую приближение живого, но в мирной обстановке могу не придать этому значения. А вот мои «друзья» щупальца своего не упустят.

Обходящий стену стражник поклонился мне издали и тут же отошел к краю стены, где и замер, пока я проходил мимо, следуя за Койном.

– Утро доброе, господин! – поздоровался стражник, едва я с ним поравнялся. – Спасибо, господин!

– Это за что же? – удивленно спросил я, приостанавливаясь.

– И ночью и днем нас бережете! Спасибо, господин! – ответил стражник и, вновь поклонившись, направился дальше, бдительно посматривая в сторону ущелья.

– И этот туда же, – пробормотал я, глядя ему вслед.

– Все туда же. – не оборачиваясь, произнес гном. – Так ведь оно и есть! Все поселение какой уж день талдычит, что господин всегда на страже. Не спит, не ест, денно и нощно о благе поселения печется, острым взором врага высматривает. Скоро десницей Создателя называть начнут!

– Ох... – вздохнул я, ледяными ногтями скребя по заснеженной щеке. – Ну... не ругают, и ладно.

– А ругать не за что. – пожал плечами Койн. – Прошу, друг Корис.

Заученно обхватив щупальца руками, я прижал их к телу и, шагнув на платформу, забился в самый ее угол. Койн степенно последовал за мной, искоса

посматривая на ворочающиеся щупальца, которым не понравилось ограничение их свободы. Ничего, потерпят. Не хотелось бы невзначай убить старшего среди гномов во время обыденного ежедневного обхода, ставшего нерушимой традицией.

– Флатиса давно уже нет. – словно ненароком произнес Койн, после того как подал знак поднимать платформу.

– Давно. – согласился я, вспоминая худощавого синеглазого старика с пронзительным взором и фанатичным сердцем.

– Может, и к лучшему, что он пока не вернулся. – обронил гном.

– Хм... – изрек я, прекрасно понимая, куда клонит Койн.

Остальные приняли меня таким, каким я стал – пусть это далось им нелегко, но приняли. А вот святой отец Флатис... этот не примет никогда. На него никакие доводы не подействуют. Отныне я лишь нежить, темное отродье, мерзость, требующая незамедлительного искоренения.

И я уверен – по возвращении отец Флатис незамедлительно попытается меня прикончить. Незамедлительно.

И мудрый Койн напомнил мне об этой назревающей проблеме.

Возможно, мы больше никогда не увидим святого отца. Он может не захотеть возвращаться в Дикие Земли или может погибнуть по дороге сюда. Всякое может случиться.

Но если он все же вернется – тогда быть беде. После «радостной» встречи из нас двоих в живых останется только один.

– Может, он и не вернется. – с тихой надеждой произнес я.

– Может, – хмыкнул гном, – может... Но если вернется, то не будем торопиться впускать его внутрь! Таков мой совет – а каков твой приказ?

- Приказ... - протянул я, глядя на медленно тянущуюся мимо стену Подковы. - Вот ты о чем.

- Да, об этом.

- Без моего разрешения никто не может подняться на стену. - напомнил я.

- Это отец Флатис. - в свою очередь напомнил мне Койн.

- Справедливо. - признал я.

- И, если он все же появится у наших стен, он появится не один. - добавил гном, оглаживая ладонью бороду.

С легким стуком платформа ударилась о стену и замерла. Прибыли. Вершина Подковы. Снег и ледяной пронизывающий ветер. Крыша нашего дома. Как по мне - очень уютная. Для других - пытка холодом.

- И это верно. - кивнул я, делая шаг на скалу. Металлический сапог с лязгом ступил на очищенный от снега камень. - Я понял тебя, Койн. Я отдам дополнительный приказ. Сегодня же.

- Всем, кто заступает на стражу. - согласно кивнул Койн. - Рикару. И все.

- Да, - с кривой усмешкой признал я. - Не стоит громогласно объявлять, что я не намерен пускать сюда священника. Пошли?

- Осторожней, - предупредил гном, спокойно идя по вырубленной в скале тропинке. - Скользко.

- Ага, - ответил я, медленно ступая по голому камню с пятнами изморози.

Верно, если отец Флатис внезапно вернется, он однозначно будет не в гордом одиночестве. Возможно, во главе или в составе небольшого отряда. Изгнанные на вечное поселение тираном королем и просто ищущие другой судьбы церковные воины, другие священники, не дай Создатель - боевые маги.

Я могу отказать в приюте. Могу, но что дальше?

Отец Флатис обязательно поинтересуется причиной такой холодности. А когда он увидит меня... будет штурм. Фанатик предпочтет пожертвовать жизнью, но сделает все, чтобы упокоить меня раз и навсегда. Положит всех своих людей ради этой цели.

Так поступит святой отец Флатис.

А что сделаю я?

Натравлю своих людей на других людей? Не на шурдов, не на нежить, не на чудищ, населяющих Дикие Земли, а на просто других людей?.. Я не хочу превращаться в того, кто губит своих лишь ради собственного спасения. И не хочу быть тем, кто втравливает их в бессмысленные схватки.

Проклятье.

Уверен, что многомудрый Койн учел и этот вариант развития событий, но предпочел промолчать, давая мне дойти до этого вывода своим умом.

Словно подслушав мои мысли, Койн все так же, не оборачиваясь и не сбавляя шага, тихо произнес:

– Если что... ты всегда можешь спуститься вниз. И мы обязательно найдем или сделаем проход. Мы покажем, как тебе выйти из скалы на заснеженные равнины, друг Корис. Мы всегда помним добро. Если хочешь – работы начнутся уже сегодня.

– Спасибо, – после крохотной паузы отозвался я. – Но пока скалу дырывать не будем лишний раз, Койн. Надо все обдумать.

У меня в мыслях возникло устойчивое видение – по заснеженной равнине медленно идет закованный в сталь одинокий воин с рваным бьющимся на ветру черным плащом и извивающимися щупальцами над головой. Идет в никуда. Уходит прочь по глубокому снегу... уходит, чтобы никогда не вернуться.

Нет уж, этот вариант не по мне. Но если не останется другого выбора...
Посылать своих людей на смерть ради своего спасения я не буду.

Пока я размышлял на горькие темы и строил варианты далеко не радужного будущего, мы незаметно добрались до цели. Прошли по вершине гранитной скалы, ни разу не сбавив шага, не спускаясь и не поднимаясь. Шли ровно. Что и немудрено – от платформы подъемника вела широкая и ровная дорожка, любовно выбитая гномами. И уверен, что раньше она была скорее тропой, а сейчас заметно расширилась и была заботливо очищена от снега и льда. В некоторых местных городах по ту сторону Стены дороги и то похуже будут, чем в нашем захолустье.

Сделав последние несколько шагов, мы остановились у прямоугольной ямы, огороженной по периметру толстой каменной стеной, достигающей мне до пояса. Вот и будущая сторожевая башня. Рабочих пока не видно – еще слишком рано, – а вот стража на месте. Бдят. Поклонились мне и вновь сосредоточились на узком ущелье, упирающемся в нашу защитную стену. От ветра двоих стражей защищала невысокая П-образная временная стенка. Открытая сторона смотрела в сторону ущелья. Сверху – крыша из жердей и шкур, с тщательно сметенным снегом. В закутке трепетало пламя огня, над ним – закопченный котелок. На небольшой полочке лежало несколько свертков и оружие. В общем, временная и довольно благоустроенная сторожка, сносно справляющаяся со своими задачами: защищает людей от пронизывающего ветра, обеспечивает горячим питьем.

Рядом со сторожкой висит прочный большой навес, прикрывающий наше главное оружие – древний имперский метатель, полученный в качестве боевого трофея. Он практически в полной боевой готовности и пристрелян. Рядом висит горка каменных снарядов. Несколько людей и гномов обучены с ним управляться. Если начнется заварушка, первым делом бросятся именно сюда, на вершину Подковы. Несколько дней назад я испытал сильные ощущения, когда в воздухе над нашими головами с гулом распарываемого воздуха летели здоровенные камни. Непередаваемые словами эмоции. И гордость, и страх в одном флаконе – ведь все снаряды, перед тем как поразить цель, должны были пролететь над двором и стеной поселения. А если что-то пойдет не так, и пущенный камень по крутой траектории рухнет во двор или на вершину стены? Если такой булыжник упадет на голову – верная смерть.

И это не единственное наше оружие. От платформы подъемника вдоль ущелья теперь ведет еще одна узкая тропа, расширяемая с каждым днем. Прямо на дорожке через каждые несколько десятков шагов лежат груды больших камней, готовых обрушиться на головы врагов смертельным градом. Это вотчина коротышек гномов, зона их ответственности в нашей обороне. Они и бегают по скалам куда быстрее и ловчее людей, да еще и куда ниже нас, что весьма важно, если по тебе стреляют из луков. В трех местах над ущельем нависают ничем не приметные на первый взгляд гигантские валуны. Они там и были испокон веков. Просто гномы немного поколдовали над ними при помощи зубил и молотков, после чего мне стало страшновато ходить по ущелью. Потому как огромные камни теперь висят на одном честном слове. Как выразился Койн, «пни, и полетят». Но при этом добавил, что пнуть надо строго в определенное место и умеючи. Намек прозрачен и ясен – пинать должен гном, против чего я совершенно не возражал.

Именно так мы и развивались в последнее время. Почти однобоко. Ибо я до жути боялся нападений.

Поэтому и старался уничтожить как можно больше близлежащих шурдских поселений, уменьшая поголовье этих темных тварей. Вот уж не думал, что стану детоубийцей. Не думал, что когда-либо буду устраивать геноцид. Это короткое, но страшное слово, всплывшее в моей больной памяти. Геноцид. Врываясь в зловонные шурдские норы, мы не щадили никого. Ни мужчин, ни женщин, ни старух, ни ужасно исковерканных младенцев, завернутых в вонючие сырые шкуры. Война на выживание. Нельзя проявлять жалость. Нельзя щадить врага. Ни настоящего, ни будущего. Я поклялся истребить шурдов. Всех до единого. Этих мерзких уродцев, видящих в нас лишь источник мяса. Проклятых людоедов. Настолько оскверненных изнутри, что даже их дети рождаются со скверной в душе и теле. Изуродованные младенцы, непрерывно кричащие от боли в искривленных ногах и руках, воющие от давления в сплюснутых головах... Я видел, я насмотрелся. И от этого ужасающего зрелища мое решение стало лишь тверже.

Все просто. Все прозрачно. Чем больше мы уничтожим шурдов, тем меньше их пожалует к стенам нашего дома. Тем меньше будет отравленных игл и стрел, пущенных в моих людей. Тем меньше будет смертей в нашем доме. И тем больше у нас будет надежды... Поэтому война на истребление – это мой осознанный выбор. Другие поселения пытались жить тихо и незаметно, ограждали себя артефактами, прятались в глухих лесах. Не помогло. Темные

шурды нашли их и уничтожили. Поработили и сожрали.

И всему этому кошмару виной он.

Тарис... Тарис... будь же ты проклят, имперский принц, принесший столько бед!

Окажись я у Ильсеры сейчас в своем нынешнем обличье, я бы непременно открыл саркофаг, поднял бы тяжелую каменную крышку. Чтобы собственными заледеневшими руками выдавить из Тариса последние капли жизни! Теперь я бы не побоялся встретиться с этим чудовищем – потому как сам превратился в чудовище.

– Углубились еще на пять локтей! – с гордостью произнес Койн, возвращая меня в реальность. – Уже и несколько ступенек видать!

Старший гном указывал на дно ямы, на основание будущей сторожевой башни и одновременно на наш будущий выход на вершину Подковы. Внутри башни будет скрыта верхняя часть широкой вертикальной шахты, в которой разместится лестница и новый подъемник. Тем самым я получу гарантию, что никто не помешает нам свободно перемещаться по своим владениям в случае осады. А это очень и очень немало – подъемник, закрытый со всех сторон, надежно защищенный от непогоды и от атак осаждающих. Внутри нашей невероятно расширившейся жилой пещеры уже выделено место, где будет заканчиваться вертикальный колодец. Но это в далеком будущем. Рабочих рук не хватает.

– А стены? – спросил я, покосившись на не слишком большие достижения в постройке сторожевой башни.

– Все будет, – успокоил меня Койн и тут же развел руками: – Но не быстро.

Кивнув, я сменил тему:

– Внизу у вас все хорошо? Давненько я там не был.

– Все хорошо, – успокоил меня гном. – Потихоньку обживаемся. Пока особо хвалиться нечем, но стараемся!

Хвалиться нечем – ага, как же! Любит Койн приbedняться.

Хоть я сам давно не спускался к подземному озеру, но вот мои люди были там частыми гостями. И каждый раз возвращались с ошарашенными лицами. Потому что на их глазах в сталактитовой пещере родился город. Маленький, но основательный. Все как положено. С широкими прямыми улицами, ладными каменными домами, аккуратными дорожками, ведущими в стратегических направлениях: к озеру, к тоннелю в верхнюю пещеру, к грибнице и к Каменной длани – храму гномов. Вернее, алтарю, на котором оставлялись мелкие подарки Отцу. Как говорили видевшие, сначала это был просто здоровенный камень, отколовшийся от потолка, но теперь, стараниями коротышек, он с каждым днем все больше походил на гигантскую каменную ладонь с короткими толстыми пальцами.

Каждодневными стараниями – по кусочку, по щепотке песка...

Большая часть построек была в черновом варианте, но такова уж самая суть гномов. Они предпочитали доделывать на ходу. В буквальном смысле. Не перечать, сколько раз я видел подобное. Бежит коротышка и, не сбавляя шага, наклоняется за куском камня, лежащим под ногами, либо же тукает молотком по выступу. А иногда и черкает зубилом обычную черту на стене. Бегущий следом добавляет еще одну черту, затем третий вносит свою лепту, четвертый не забывает добавить штришок – и смотришь, на камне виднеется замысловатая гномья руна. Даже на защитной стене поселения появились подобные руны и рисунки. Как снисходительно заметил Койн: для красоты и исправления огрехов. Братья Древин и Дровин насчет огрехов категорически не согласились, но я бы на их месте спорить с гномами на «каменные» темы не стал. Потому как они знают о камне все.

– Рыба не кончается, – продолжал загибать пальцы Койн, – грибы растут, слава Отцу, не хиреют. Пока камень крепок и добр, все будет хорошо!

«Камень крепок и добр» – любимая и самая частая поговорка наших гномов. В ней выражается самое главное. Пока окружающий камень крепок и добр, все обязательно будет хорошо, а все невзгоды успешно будут преодолены. Гном без камня не гном – существо без роду и племени, без крова над головой.

За прошедшие недели и месяцы я постепенно начал понимать философию этого работающего народца.

Окинув долгим взглядом заснеженный гранит вокруг, я посмотрел вниз, на оживший двор поселения. Самое мое любимое зрелище. Видеть, как живет основанное тобою поселение, видеть, что жизнь не угасает, что мы продолжаем бороться... Ради этого стоило жить дальше.

- Можно ли уже дойти до конца ущелья? - спросил я у замолкшего гнома.

- Пока нет, - вздохнул Койн. - Но скоро!

Каждый день я задавал этот вопрос, и каждый день получал тот же ответ. Речь шла о парочке гномов-каменотесов, перед которыми по моему приказу поставили задачу довести дорожку до самого края скалы - до выхода из ущелья. Чтобы мы могли по вершине, не спускаясь на опасную землю, добраться самого отдаленного от нас участка Подковы. Туда, где я планировал поставить еще одну мощную стену, должную окончательно запереть собой ущелье и тем самым расширить наши владения.

- Правда скоро! - живо добавил Койн, приняв мое молчание за недовольство. - Работают каждый день без отдыха!

- Нет, - тяжело качнул я ледяной головой, - пусть отдыхают! Не надо загонять людей, Койн.

- Гномов. - хитро блеснув глазами, поправил меня тот.

- Я не делаю между вами различий. - хмыкнул я, тяжело разворачиваясь к метателю.

- Знаю, - в спину сказал мне Койн. - И за это тоже ты получил уважение подгорного народа, друг Корис. Ты не смотришь на нас свысока.

- Сегодня ты необычайно льстив. - усмехнулся я, вновь разворачиваясь к собеседнику. - Я уже успел выучить твои привычки, Койн. Если льстишь - значит, тебе что-то надо. Да?

- Ну...

- Говори прямо. - велел я, глядя на покрывший камень снег.

Ноздреватый снег - не плотный, уже без блестящей ледяной корочки... Весна не за горами. Еще совсем немного, и снег с холодом исчезнут надолго. Вместе со сгархами. И вместе со мной... созданиям стужи нечего делать во время жаркого лета.

- Мы замуровали пролом, ведущий в старый оловянный рудник. - после небольшой заминки продолжил Койн.

- Знаю. - кивнул я.

- Но разве это дело?

- Поясни.

- Мы, гномы, народ непоседливый. Вечно что-то достраиваем, переделываем, расширяем... Это касается общих вещей, а не личных, - широко улыбнулся Койн. - Такова уж наша натура. Мы всегда чем-то недовольны. Знаешь, там, где мы жили раньше, существовал определенный знак, выбиваемый на здании, стене, резьбе или даже на полу. Это знак означает запрет на переделывание или дополнение под страхом смерти. Если видишь его, сразу понимаешь - трогать нельзя! И этот знак знают все гномы от мала до велика.

- Вы как каменные термиты, - задумчиво почесал я щеку. - Все сточите до пыли. Если не запретить...

- Верно. - легко согласился Койн. - Так вот, друг Корис. Точно такой же знак я приказал выбить рядом с замурованным проломом. Иначе кладка не простояла бы и дня. Говорю же - мы народ непоседливый.

- Но ведь сейчас кладка на месте? - с проснувшейся тревогой спросил я.

- О да. На месте. И одним своим существованием сводит нас с ума. - тяжело вздохнув, признался Койн. - Я видеть ее не могу! А ведь мы проходим мимо

каждый день...

- Так чего же ты хочешь?

- Дозволь нам сломать стену и осмотреть заброшенный оловянный рудник. -
взглянув прямо мне в заиндевелые глаза, попросил Койн.

- Вам мало хлопот? - хрипло отозвался я, делая большой шаг прочь от будущей
сторожевой башни. - Койн, не буди лихо, пока оно тихо!

- Как-как? - переспросил гном, припуская за мной.

- Есть такая поговорка, - пояснил я. - Как бы пояснить... Если ты идешь по лесу и
видишь берлогу медведя, ты ведь не станешь тыкать в нее палкой, верно?
Потому что медведь проснется, выберется наружу и оторвет тебе голову! А мне
надо, чтобы твоя голова продолжала прочно сидеть у тебя на плечах, Койн. Еще
долгие и долгие годы.

- Спасибо! - с чувством поблагодарил гном, невольно прикасаясь к своему лбу. -
Но... это сжигает нас изнутри, друг Корис!

- Койн! Мы не знаем, что может ожидать по ту сторону стены! - по слогам,
жестко проговорил я. - Не знаем! Ты помнишь, что мы нашли у входа? А если там
замурована древняя темная тварь? Хочешь, чтобы она сначала закусила первой
группой веселых исследователей, а затем сожрала и всех остальных?

- Упаси Отец от такого! Но там может и не быть никого! Кто выживет после века
заточения без воды и еды?

- Тарис, к примеру, - буркнул я, с лязгом ступая по дорожке. - Койн, я уже
сказал - нет. Пока нет.

- А когда?

- Когда я смогу пойти с вами, - глухо ответил я. - Если сможешь обеспечить для
меня холод и снег там внизу, в сердце Подковы - то сможешь сломать кладку,
закрывающую путь в оловянный рудник, хоть сегодня! Без меня в передних

рядах вы туда не сунетесь!

- Нельзя каждый раз идти в первых рядах, друг Корис!

- Работа у меня такая. - хмыкнул я. - Если меня ударит темная тварь - я выживу. А ты умрешь. Именно поэтому я и шагаю в первых рядах, Койн. Проклятье... мне бы еще щит побольше и покрепче...

- Ростовый? Целиком из толстого металла? - оживился Койн, почему-то покосившись на мою грудь, закованную в доспех ниргала. - Надо сделать! Мы выкуем для тебя щит! И доспехи! Когда наладим кузню... эх...

- Доспехи есть. - заметил я, ударяя бронированным кулаком себя по плечу. - Крепкие.

- Но не наши! - презрительно и обиженно буркнул Койн. - Чужая работа! Разве это честь для нас, когда покровитель ходит в доспехах чужой работы? Как плевков в лицо!

- Ты меня сегодня просто удивляешь. - улыбнулся я. - Когда появится кузня, выкуете доспехи. И щит. Щит нужен позарез.

- С красной дланью Каменного Отца посередине! - подхватил гном. - С серебряной окантовкой, гравировкой, а с внутренней стороны...

- Койн!

- Ладно, это потом. - покладисто согласился гном. - Есть ли какие пожелания, друг Корис?

- Одно. - после короткого раздумья ответил я, тяжело ступая на платформу подъемника.

- И какое же?

- Хочу тюрьму. - признался я.

- Тюрьму? – поразился Койн.

- Да. Вернее, всего одну камеру. Небольшую комнату, выбитую в скальной толще. Каморку. Чтобы можно было вытянуться в полный рост. Каменная решетка с одной стороны и каменная же дверь. Прочные, чтобы не сломались.

- А для кого? – не удержался от вопроса гном, смотря на меня с жадным любопытством.

- Для шурдов. – не скрывая, поведал я. – В следующую вылазку хочу поймать парочку этих тварей живьем и притащить сюда. Сделал бы это и раньше, но держать негде.

- Но зачем?

- Знания. Я хочу знать врага. Их быт, привычки, ритуалы, места регулярных сборищ, местонахождение поселений, внутреннюю иерархию до тонкостей, что едят, когда нет вкусных людей в запасе, как охотятся, как ремесленничают, как организована разведка и система оповещения... я хочу знать о них все!

- Но... к чему?

- Знать врага, значит победить его. – угрюмо произнес я. – Шурды для нас как закрытая книга. Это плохо. Пора побеседовать с парочкой этих тварей. Неделю, две, три, месяц! Каждодневная беседа с врагом – это именно то, чего мне не хватает.

- Если они захотят беседовать...

- О, поверь мне Койн, они захотят, – хищно оскалил я покрытые серым инеем зубы. – Они обязательно захотят со мной побеседовать!

- Мы сделаем тюрьму. Крепкую и надежную. – коротко ответил Койн.

- Вот и славно. А я позабочусь, чтобы она не пустовала слишком долго!

Я хотел добавить еще пару слов, но за нашими спинами раздался пронзительный тревожный свист.

Рывком обернувшись, я увидел стражей, продолжающих свистеть и указывать вниз в ущелье.

На этот раз я развернулся так быстро, что доспехи застонали от напряжения, а мои заледеневшие суставы противно затрещали. Один миг, и я увидел несколько крошечных черных точек, медленно тянувшихся по дну ущелья и направляющихся прямо к поселению.

Гости!

У нас гости!

- Тревога! - рявкнул я. - Вниз!

С коротким треском платформа подъемника провалилась, неся нас к вершине защитной стены. Все это время я не отрывал взгляда от ущелья, не обращая внимания на двор форта, откуда доносились тревожные крики. Поселение готовилось к бою. А я все смотрел и смотрел в ущелье, пытаюсь понять, кто именно пожаловал к нам в гости.

Кто?!

Шурды?

Отец Флатис с отрядом неизвестных мне спутников?

Даже и не знаю, какой вариант для меня будет лучше...

Но, честно говоря, я никаким гостям не рад. В Диких Землях прибытие гостей всегда к беде.

Отступление первое

Затерянное среди заснеженных пустошей здание пустовало.

Да и какое там здание – так, не более чем основательный двухэтажный дом с парой ветхих пристроек. Некогда здесь был трактир у оживленной дороги, ведущей напрямик в Западные Провинции, теперь превратившиеся в Дикие Земли. И сейчас ни дорога, ни трактир уже никому не были нужны. Добавьте к этому бесплодность местных каменистых земель – и получите практически необитаемое место. На лиги вокруг никого, кроме зверья. Однообразная унылая местность с редкими чахлыми деревцами, пригнутыми к земле порывами воющего ледяного ветра. Ни малейшего намека на скорую весну – здесь все еще всецело хозяйствует суровая зима.

Ледяной холод чувствовался и внутри старого дома, несмотря на ярко пылающий огонь в большом камине. Дом уничтожал сам себя – бушующее пламя сейчас пожирало остатки деревянной облицовки одной из стен. В большой комнате, некогда служившей трактирным залом, за покосившимся столом сидело пятеро мужчин в совершенно обыденной, мирской одежде. Среди них своей необычной внешностью выделялись старик с пронзительным ярко-синим взором и совсем еще молодой парень с полностью седой головой. Рядом с пылающим камином, прямо на грязном каменном полу сидел еще один человек. Средних лет, коротко стрижен, набрякшие веки налиты кровью, взгляд покрасневших глаз безумен. Завернутые за спину и туго связанные руки сотрясает периодическая дрожь, с жестоко искусанных губ срываются нити тягучей слюны вместе с глухими безумными стонами. Ноги также перетянуты веревкой в нескольких местах. Человек старается встать, раз за разом повторяя свои настойчивые попытки, но каждый раз его вновь отбрасывает назад, из его горла выбивается сдавленное хрипение – вокруг шеи виднеется еще один виток толстой веревки, другим концом привязанной к стене. Он словно связанный бешеный пес, рвущийся с привязи.

Сидящие за столом при каждом сдавленном кашле и хрипе нервно вздрагивают, бросают мимолетные взгляды на несчастного и вновь переводят внимание на стоящие перед ними деревянные тарелки. Невозмутим лишь старик – на его лице не дергается ни единый мускул, во взоре холодное спокойствие. Ложка мерно зачерпывает густую кашу.

– Надо бы его покормить, – глухо обронил один из трапезничающих.

– Надо. – ровно ответил старик. – Покормите.

Над столом повисла гнетущая тишина. Взоры всех сидящих невольно устремились на руку одного из мужчин – туго перемотанную серыми тряпками с темными пятнами просочившейся сквозь повязку крови. Под слоем материи – рваные раны. Отметины человеческих зубов, глубоко впившихся в плоть. Нормальный человек так укусить не сможет, равно как и вырвать из руки кусок мяса. Но связанный человек у камина нормальным не был.

– Втроем. – добавил старик. – Один прижимает к стене, другой держит голову, третий кормит.

– Его надо в город, – тихо произнес еще один, с обширными залысинами на большой голове. – В церковную лечебницу. Отче... зачем мы забились в эту глухую дыру?

– Мы ждем. – столь же лаконично ответил седой старик, медленно откладывая ложку. – Я сыт, благодарение Создателю нашему.

– Благодарение Создателю нашему. – хором отозвались остальные.

– В городе безопасней, – не сдавался мужчина с залысинами, нервно утирая взопревший лоб. – Здесь же... здесь же...

– Ты устал ждать, сын мой? – приподнял бровь старик.

– Нет! Не устал! Но... отец Флатис! Если так продолжится дальше, мы просто сойдем с ума один за другим! Потеряем рассудок, как брат Луриацис!

– Незавидна и страшна его участь. – вздохнул старик, бросая короткий взгляд на связанного узника. – Он поддался...

При этих словах взгляды остальных будто сами собой переползли на трухлявый потолок бывшего трактира. Там, высоко на крыше, прямо под тусклыми лучами зимнего солнца лежала открытая шкатулка с двумя обломками. Если составить оные вместе, получится замысловатой формы кинжал с поблескивающим в навершии рукояти драгоценным камнем. Младший Близнец. Страшное оружие темного прошлого. Детище Тариса Некроманта.

Так высоко кинжал оказался расположен по прямому приказу сухощавого старика. Расположен с умыслом. Туда никто не сможет забраться незамеченным, да и не так уж это и легко – карабкаться по обледенелым стенам, не имея под рукой лестницы, или иного какого приспособления. Нет, забраться, несомненно, можно, но растрескавшаяся глиняная черепица отзывалась на каждый шаг звонкими щелчками и грохотом, а давно подгнившие потолочные балки отвечали натужным стоном и громким хрустом. Весь дом прогнил насквозь. Годы без заботливого присмотра сделали свое дело.

Тот несчастный безумец, связанный, словно больное животное, был пойман именно на этом – черная магия, источаемая обломками кинжала, поработила его разум. И прошлой ночью безумец попытался завладеть Младшим Близнецом, но потерпел неудачу. Его нога соскользнула, и с протяжным воплем он рухнул спиной на промерзшую землю двора. Будь на его месте обычный человек, надолго бы оказался прикован к постели после такого тяжелого удара. Но магия некромантии страшна. Оказавшийся в ее власти человек даже не заметил ран и ушибов. Мгновенно вскочив и тяжело припадая на одну ногу, он вновь кинулся к стене. В этот миг его и взяли проснувшиеся от шума люди. Скрутили веревками, обездвижили, старый священник прочел молитву, изгоняя черноту из его души... Чернота отступила, затаилась где-то в глубине окончательно спятившего рассудка. Отступила, но не ушла. Скверна – штука цепкая. Запусти она свои коготки человеку в душу – пиши пропало.

Обломки кинжала можно было спрятать и в другом месте. Во дворе есть глубокий колодец, имелся и погреб с тяжелой крышкой, да и других мест хватало. Вот только у всех них был один существенный недостаток – туда не попадали лучи солнца, ослабляющие любую темную волшбу. Сопровождающие отца Флатиса люди, да и он сам, были вынуждены постоянно находиться поблизости от сломанного кинжала. Рядом с кинжалом – значит, рядом с темной магией, неуклонно воздействующей на умы находящихся вблизи. Младшему Близнецу немного бы крови, чуток бы жизненной энергии, и его мощь возрастет многократно.

Но все это не объясняло решения отца Флатиса. Даже привыкшие к строгой дисциплине и иерархии братья-монахи начали роптать и задавать вопросы.

Почему священник не пытается уничтожить темный артефакт?

Почему не пытается узнать ничего о происходящих событиях?

Чего он ждет в этой глуши? Ведь прошло столько времени, но ни один «вестник» так и не пришел.

Не роптал только лишь один человек. И не выказывал ни малейшего неудовольствия.

И это был Миргас. Юноша с седыми волосами и фанатично преданным взором. Невольный убийца, присягнувший на верность даже не Святой Церкви, а отцу Флатису. Кошунственно? Быть может. Но Миргаса это не смущало. Его преданность не могло пошатнуть ничто.

Обоих, отца Флатиса и Миргаса, отличало и то, что они спали спокойно. Их не мучали страшные кошмары. Они не просыпались с криком и каплями холодного пота на перекошенных от ужаса лицах. В их ушах не звучал сладкий шепот Младшего Близнеца.

Как бы то ни было, смирение братьев-монахов давно уже дало трещину. Их страшила подобная участь – стать безумным зверем, привязанным к стене. Их мучил холод. Их одолевала простуда. Их убивало бесконечное ожидание.

А больше всего их страшило другое, хотя они никогда бы не признались в этом. Впервые за долгое-долгое время Святая Церковь пряталась. Пряталась! Скрывалась!

Все церковные лица давно уже привыкли к всеобщему уважению и почитанию. К низким поклонам и радостным улыбкам. К почтительному шепоту за спиной и гостеприимно открытым дверям любого дома, будь то деревенский домишко или каменный особняк знати. А сейчас случилось страшное – церковники вынуждены скрываться! Забились в темную нору, будто крысы, и со страхом ждут будущего дня!

Где огромная мощь Святой Церкви?

Почему к ним еще не прибыл большой отряд из священников и церковных воинов в сверкающих доспехах и белоснежных рясах?

Почему невесть откуда появившихся еретиков еще не сожгли живьем на пылающих кострах?

Что случилось со Святой Церковью, раз она не может совладать с горсткой ничтожных преступников?

Как вообще могло произойти немыслимое, как еретики сумели взять штурмом церковную цитадель? Как?!

И раз так... то прибудет ли помощь? Быть может... Неужто...

- Покормите его. - властно велел седой старик, поднимаясь из-за стола. - Сейчас!

Встал... внезапно вздрогнул всем телом и круто развернулся к глухой стене трактира, за которой жалобно стонал зимний ветер.

- Вот и они, - тихо прошептал отец Флатис. - Вот и они.

- Подмога? - подскочил с радостным воплем монах с обширными залысинами. - Братья пришли на подмогу! Слава Создателю! Возрадуемся, братья!

- Нет, - глухо ответил старик, для чего-то опуская взгляд на трухлявые половицы. - Не они. Готовьтесь, братья. Нас ждет бой. Каждый помнит, что делать?

- О Создатель, - запричитал пошатнувшийся монах, - милостивый Создатель! Нам конец! Конец!

- Умолкни! - тяжелая пощечина швырнула оступившегося на пол. - Если умрем - пусть будет так! На все воля Создателя нашего! Все на колени!

Грохочущий голос и пылающий взор ярко-синих глаз обладали такой силой, что все братья мгновенно рухнули на колени и сложили руки на груди. Отец Флатис широко распростер руки, в гулком зале трактира зазвучала громкая молитва, преисполненная торжественности и силы.

Вот только не было благодати на лицах монахов. Не было спокойствия и смирения. На их лицах явно читались обуревавшие их сомнения и страх. Долгое ожидание и влияние разбитого Младшего Близнеца сделали свое черное дело.

Впрочем, отца Флатиса искаженные лица братьев-монахов, судя по всему, особо не тревожили. Он продолжал читать молитву, поочередно обходя каждого преклонившего колени, и касался их голов кончиками пальцев, окутанных ясно видимым белоснежным сиянием.

Если бы монахи обладали способностью видеть магическую суть мира, они бы узрели, что под прогнившим полом трактира, в подполе, весело крутится и подпрыгивает водоворот магической энергии, от которого к голубоглазому старику тянутся и тянутся многочисленные нити.

Закончив молитву, отец Флатис тихо добавил:

– Их восемь. Лучше, чем я ожидал.

– Лучше? Вы ждали этого? – воскликнул один из монахов, бросаясь к лавке около стены, где было сложено оружие.

– О да, я ожидал. – широко улыбнулся старик, и от этой, казалось бы, обычной улыбки у братьев пробежал холодок по спине.

Отец Флатис сильно изменился с тех пор, когда впервые применил свою долго скрываемую магию огня. Изменился очень сильно. Стал еще более суров и мрачен. Все помнили, как пылало здание точно такого же трактира, как вопили заживо сжигаемые люди, и как весело прыгала по камню пылающая голова казненного священника.

– Всем занять уговоренные позиции. – продолжал командовать священник. – Пока я не подам сигнал, чтобы никто не высовывался! Вы двое! – сухой палец поочередно указал на монахов. – На задний двор! Оседлать лошадей! Быстро!

Гулко звякнуло, по залу трактира пронесся странный мелодичный звон – будто бы лопались туго натянутые струны, голубые глаза старика начали изменять свой цвет. Несколько мгновений, и они полыхнули настоящим огнем, от сухой

фигуры потянуло мощным потоком тепла, отчетливо слышался треск волос, скручивающихся от жара.

– Потерял сноровку, – сокрушенно пробормотал отец Флатис, делая несколько загадочных пассов руками, – ну да ничего... вспомнится...

Тепло угасло, глаза вернули свой первоначальный голубой цвет, а священник легко ступил к дверям трактира, увлекая за собой остальных. Сразу за спиной старика пристроился Миргас, держа в руках простенький арбалет.

Открытый всем ветрам двор встретил людей лютым холодом и снегом. Не останавливаясь, отец Флатис миновал его и остановился у ворот – накренившихся, одна створка давно упала на землю, столбы глубоко ушли в землю. Здесь, под прикрытием единственной воротной створки, священник остановился и пристально взгляделся вдаль. Среди заснеженной пустоши смутно виднелось несколько черных точек, быстро приближающихся к заброшенному трактиру.

– Я ждал вас. – прошептал старик, растягивая губы в улыбке.

В отличие от своих спутников, спешно занимающих у забора и среди хозяйственных построек, старый священник видел куда больше, чем просто несущихся во весь опор всадников.

Взор отца Флатиса отчетливо различал светящиеся разными цветами точки, разбросанные по телам всадников. У пятерых из них несколько точек источали мутно-желтый свет на груди. Амулеты, напитанные темной магией. У троих, помимо сочащихся противным желтым светом точек на груди, еще несколько светящихся пятен было разбросано по всему телу. Старик сразу узнал этот характерный рисунок. Усиливающие сферы, вживленные прямо в тело. Трое из всадников были ниргалами и возглавляли небольшой отряд. Вскоре уже и невооруженным взглядом можно было рассмотреть зловещие черные плащи, развевающиеся за их плечами, глухие шлемы и шипастые латные перчатки, удерживающие поводья.

Что ж, теперь все стало окончательно ясно. Одно только присутствие ниргалов говорило о принадлежности отряда.

Пять человек и трое некогда бывших людьми.

Отряд, защищенный от силы Создателя и его священников многочисленными амулетами.

Но как отец Флатис ни вглядывался, он не видел ничего, дарующего защиту от огненной стихии. Почему?

В том небольшом портовом городке многие видели, как седовласый священник одним мановением руки сжег целый трактор, испепелив множество людей. Многие стали свидетелями жесткой расправы и воочию узрели разверзнувшуюся геенну огненную. Такое забыть нельзя. О таком молчать невозможно. Людская молва быстра, красноречива и склонна к преувеличениям. Так почему же надвигающийся на них отряд был столь беспечен?

Не успели узнать об имеющейся у священника грозной силе мага?

Или же этот отряд всего лишь отвлекает от основных сил?

Неспешно обернувшись вокруг себя, старик обозрел пространство при помощи магического взора, но не заметил ничего. Ни малейшего сполоха. Ни малейшего проявления магической силы. Только изрядно уменьшившийся в размерах магический водоворот все так же весело крутился под трактором.

Что ж, если это результат неведения или беспечности – они пожалеют о нем!

Еще пара минут проползли нестерпимо медленно. Отряд всадников приблизился почти вплотную, и один из ниргалов быстрым движением вскинул руку. Сухо щелкнула тетива, в створку ворот вонзился короткий арбалетный болт, пробив ее насквозь и пройдя в локте от дернувшегося в сторону старика. Одна щепка отлетела в сторону и оставила на щеке отца Флатиса кровоточащий след. Большого ниргала добиться не успел. Равно как и его собрата.

Не было гигантского зарева внезапно вспыхнувшего пожара. Не было столбов чадного дыма.

Нет. Отец Флатис действовал расчетливо и скупой, бережно тратя каждую кроху магической энергии. Он действовал так, как его некогда, давным-давно, учили в Академии магов. А там учили на совесть, выковывая из податливого материала будущих боевых магов.

Шестеро из восьми всадников вздрогнули всем телом и ничком упали на крупы своих лошадей, где задержались ненадолго, тяжелыми кулями свалившись на землю и застыв в полной неподвижности навсегда. Только очень приметливый человек смог бы заметить, как на короткую долю секунды засветились глаза жертв. Засветились и тут же угасли. Шестеро умерло мгновенно. Нельзя жить, когда твой мозг и твое сердце превратились в комки раскаленного пепла. Смерть быстрая и милосердная.

Шестеро лежали на промерзшей каменистой пустоши.

Трое неподвижно. Еще трое – ниргалы – дергались всем телом, судорожно взмахивая ногами и руками. Страшное зрелище. Натужный скрип доспехов, невнятный хрип, впившиеся в снег пальцы и трясущееся в агонии тело. Пропитавшая их плоть магия еще не успела смириться со смертью и пыталась залечить повреждения. Пострадай только сердце – вполне возможно, что ниргалы смогли бы подняться вновь. Но с выжженным мозгом... это уже окончательно. Тела еще жили, однако их души уже давно отправились на суд Создателя.

Двое оставшихся в живых всадников среагировали мгновенно. Два панических вскрика, резко натянутые поводья – и вот выжившие уже скачут прочь, причем в разные стороны.

Отец Флатис мягко ступил вперед за ворота. И в то же время у лошадей подогнулись ноги, и на полном скаку они грянулись оземь, увлекая за собой наездников. Священник, не задумываясь, принес невинных животных в жертву. И в этот момент в уголках рта появились горькие складки – о лошадях отец Флатис сожалел куда больше, чем об их всадниках.

Дикий, преисполненный боли крик взвился над бесплодными землями. Один из мужчин катался по снегу, обеими руками держась за выгнутое под неестественным углом бедро. Другой, не тратя время на крики, тяжело поднялся на ноги и шатающейся походкой поковылял прочь, на ходу сплевывая кровь,

обильно сочащуюся из разбитых при падении губ. Его походка была нетвердой, человека мотало из стороны в сторону, но он упорно делал шаг за шагом, с трудом удерживая равновесие. Жажда жизни неистребима...

– Остановись. – властно велел седой священник, обращаясь к пытающемуся скрыться незнакомцу.

Тщетно. Тот не внял приказу.

Повторять священник не стал. Мгновение, и над пустошью витало уже два пронзительных крика, а по снегу катались два скрюченных тела. Больше никто никуда не побежит. У одного сломано бедро. А другой отбегался навсегда – не сильно походишь, когда твои колени превратились в пепел.

Восемь всадников повержены. Шестеро мертвы, двое жестоко искалечены. А старый священник за все время схватки сделал не больше двух шагов и ничуть не запыхался.

Медленно шествуя вперед, отец Флатис приближался к двум вопящим от непереносимой боли людям. И что-то настолько грозное читалось во взоре старика, что сразу становилось ясно – это идет Искореняющий Ересь.

Один из поверженных и искалеченных противников дернул рукой к груди, срывая со шнурка небольшой кожаный мешочек. Сорвать сорвал, но воспользоваться его содержимым не успел – пережженная в локте рука бессильно повисла, а человек зашелся в еще более страшном крике, с ужасом глядя на жестоко изуродованную конечность, от которой вилась струйка дымка, несущего с собой запах сожженной плоти.

Не остановившись на этом, священник шевельнул бровью, перевел взгляд на другого несчастного, уничтожая и его локти. После чего не забыл «заботиться» и о последнем локте первого, таким образом превращая обоих в окончательных калек. Люди корчились в окровавленном снегу с пережженными ногами и руками. Им уже никогда не подняться, но они все еще могли говорить.

Разомкнув плотно сжатые губы, отец Флатис бесцветно произнес:

– Я не дам вам убить себя или послать весть своему хозяину. Вы оба в моей власти.

– Так убей нас! – истерично завопил один из них, глядя на священника налитыми кровью глазами. – Убей нас, святоша! Все равно нам не жить!

Другой лишь мог выть от боли, словно обезумевшее животное.

– О, – усмехнулся священник, – вы обязательно умрете. Несомненно, умрете... но не сразу. Сначала мы поговорим.

– Мы ничего тебе не скажем, проклятый святоша! Ничего!

– Все так говорят, – с легкой улыбкой кивнул отец Флатис, делая небольшой шаг вперед. – Все так говорят, но пока никто не сдержал своего обещания. Во имя Создателя Милостивого, приступим!

Покинувшие свои позиции и сгрудившиеся во дворе братья-монахи со священным ужасом смотрели на склонившегося над корчившимся человеком священника.

Короткий миг, и над бесплодными пустошами взвился невыносимо пронзительный вопль заживо горящего существа. Крик настолько страшный, что не верится, что подобный звук может исторгнуть человеческая глотка.

На крыше трактира, внутри открытой шкатулки, в припорошенном снежком наверху рукояти ярко вспыхнул и мерно запульсировал драгоценный камень. Младший Близнец жадно впитывал в себя эманации боли и страдания, впитывал доходящие до него крохи жизненной энергии, щедро расточаемой истязаемым человеком.

– Святой Создатель Милосердный! – трясущимися губами проговорил один из монахов, не в силах оторвать взор от корчей поверженного врага. – Что же это... Какая боль... Мы принадлежим Милостивой Церкви! Милостивой и Сострадательной! Разве ж можно творить такое... надо его остановить!

– Никто не помешает доброму отцу Флатису! – жестко проговорил Миргас, юноша с выбившимися из-под капюшона седыми прядями, и наставил взведенный арбалет на монахов. – Никто ему не мешает! Никто и никогда, пока я жив!

– Окстись! – вскрикнул один из монахов, дергаясь в сторону. – Не тебе решать! Ты всего лишь...

– Молчать! – не повышая голоса, велел Миргас. – Никто из вас не мешает отцу Флатису!

Пылающая во взоре юноши яростная фанатичность словно заморозила монахов, и они вновь замерли в неподвижности, вслушиваясь в дикие вопли и морщась от запаха горящей плоти, добравшегося даже сюда.

Крики длились долго. Очень долго. Сначала пронзительные и дикие, а затем хриплые и обессиленные. Истязаемые давно уже сорвали голосовые связки и могли лишь шипеть и сипеть от невыносимой боли.

Только через час над бесплодными землями повисла благословенная тишина. И вновь лишь завывание зимнего ветра витало в воздухе. А на заснеженной земле, посреди серых пятен пепла, лежало два обугленных мертвых тела, застывших в диких изломанных позах. Из их раззявленных ртов вился серый дымок, несущий запах страшной смерти.

Тихо хрустнул снег под ногой старого священника. Вошедший во двор отец Флатис внимательно осмотрел своих спутников и коротко велел:

– Сбор! Мы выступаем через час. Поторопитесь, братья! А я пока прочту молитву упокоения для усопших.

Люди, словно покорные марионетки, пришли в движение, и лишь все тот же говорливый монах с залысынами осмелился спросить:

– Куда, отче? Куда поведешь ты нас?

– Мы отправляемся в Дикие Земли! – шелестящим голосом отозвался старик, стряхивая частички праха со своих ладоней.

Глава третья

Чужие у стены, чужие на пороге

Люди... обычные люди. Во всяком случае, при долгом и пристальном взгляде на них с высоты нашей защитной стены.

С первого взгляда единственное, что я сумел понять – эти существа передвигаются на двух ногах, закутаны в нечто вроде меховой одежды и разномастно вооружены.

Уже потом, когда я понял, что в данный момент жизни поселения ничто не угрожает, я стал всматриваться куда внимательнее. Мой взор выхватил бородатые лица с покрасневшей обветренной кожей, украшенной неестественными белыми пятнами. А также лица без бороды, явно женские, но столь же красные. Фигурки нескольких детей, до носа закутанных в одежду и похожих на неуклюжих медвежат.

Пожаловавшие в гости незнакомцы все прибывали и прибывали. Вскоре под стеной стояло около двух десятков людей. И одним только общим видом они давали понять, что являются убегающей дичью. Последними тянулись две волокуши с неподвижными телами. Вот и замыкающие – ущелье за их спинами вновь стало безжизненным и пустым.

И я наконец сумел их пересчитать. Восемнадцать на ногах и трое на волокушах. Дети и взрослые. Подошли вплотную к нашей стене, задрали головы и уставились на нас. Помимо смертельной усталости на лицах читалась явная оторопь при виде нашей мощной защиты.

Над стеной поселения висела мертвая тишина, лишь изредка прерываемая едва слышным шепотом и бормотанием моих воинов. Я так велел – молчать, не приветствовать, не вступать в переговоры, не задавать вопросы. Приказал сразу

же, как только спустился на стену с вершины скалы и понял, что это не шурды.

И поэтому сейчас в ущелье было слышно лишь завывание ветра.

Стоя чуть поодаль от своих людей, я продолжал внимательно всматриваться. Заметив выбивающиеся из-под меховой шапки седые волосы, впился в лицо их обладателя цепким взглядом и облегченно выдохнул – это была женщина. Не мужчина. Не священник. Не отец Флатис.

– Э-э-эй! Л-ю-ю-д-и-и-и! – хриплым эхом донеслось снизу.

Один из пришедших наконец-то решил нарушить молчание.

– Хорошее начало. – заметил я, не двигаясь с места.

– Что делать будем, господин? – тихо спросил Рикар, возвышаясь рядом со мной подобно башне.

– Говорить. – ответил я. – Ты будешь говорить. Я буду слушать.

Самолично вступить в разговор я пока не собирался. Не с моей внешностью вести переговоры. Но я и не скрывался. Стоял неподвижно, на самом краю стены, нарочито высвободив ледяные щупальца, едва только Рикар отошел в сторону.

– Кто такие будете? – громогласно поинтересовался здоровяк. – Отвечайте! И всем показать лица! Сейчас! Шапки снять, накидки убрать, капюшоны откинуть! Все! Включая детей!

На приветливость в его голосе не было даже малейшего намека.

Дикие Земли учат осторожности очень быстро. И вид замерзших детей и дрожащих женщин уже не способен растопить наши сердца настолько, чтобы мы без вопросов отворили ворота, дабы впустить их обогреться.

Зацепившись взглядом за лицо говорившего, который как раз откинул капюшон с бородатого, но еще довольно молодого лица, я невольно вздрогнул. Я знал

этого человека. Я определенно его знал. Мы уже встречались.

Еще мгновение, и я понял, кто именно пожаловал к нашим стенам.

В моих промерзших мозгах всплыло даже имя.

Тибрий. Именно он стоял у самой стены и уже открывал рот для ответа на вопрос Рикара.

Островное поселение. То самое, расположенное посреди реки, где верховодил старик с магическим даром. А Тибрий был его старшим сыном. Самого старика звали, похоже... Тибериан! Вот имя хозяина островного поселения. Человека, запомнившегося мне своим умом и властностью. Но что-то я его не вижу...

В прошлый раз мы немного поболтали с речниками, а затем наши дорожки надолго разбежались. И вот, пожалуйста, теперь они нанесли нам неожиданный визит. Причем, судя по их внешнему виду и затравленному выражению на лицах, визит явно вынужденный.

– Я Тибрий! – хрипло крикнул черноволосый. – Мы из поселения на реке! Прошу! Позовите барона Кориса Ван Исер! Он знает меня! И он знал моего отца, Тибериана! Прошу! Позовите Кориса Ван Исер! Кориса Ван Исер!

«Знал». Это может означать только одно...

Убедившись, что щупальца усмирены и свиты в висящий у меня между лопатками толстый жгут, я вскинул руку и громко произнес, глядя вниз сквозь смотровые щели глухого шлема:

– Я здесь, Тибрий. Ты прав, я помню тебя. Что привело тебя и твоих людей к нашим стенам? Что заставило покинуть безопасный и мирный остров?

Создатель... как же странно я выглядел... единственный воин в полном и заиндевевшем доспехе. За моей спиной стояли ниргалы, но без своих доспехов они были просто жестоко изуродованными людьми. Вооруженными до зубов, смертельно опасными даже без брони, но просто людьми при любом даже очень придирчивом взгляде. В отличие от меня...

– Нашего поселения больше нет! – со звенящей в голосе горечью ответил Тибрий. – Шурды! Проклятые шурды добрались до нас! Мы единственные уцелевшие! Корис... я не вижу твоего лица... и не узнаю голос...

М-да... вот и первый подводный камень в переговорах. Мой внешний вид способен любые переговоры задавить в зародыше.

– Тибрий, ты ищешь убежища? Просто хочешь передохнуть и обогреться перед дорогой? Или же?..

– Возьмите нас к себе! – столь же прямо ответил Тибрий. – Если не можете взять всех – приютите хотя бы детей и женщин!

– Жди там. – прогрохотал я после минутной заминки и, тяжело шагая, направился к платформе.

Следом за мной пошли ниргалы, Рикар и еще несколько воинов.

Пора показать пришедшим мою ужасную внешность. Чтобы не оставлять недомолвок. И еще вопрос, захотят ли они остаться после того, как увидят мой страшный облик. Ледяной мертвяк во главе поселения!

Утробный рык за моей спиной не заставил меня обернуться. Я знал, кто его издавал, и слышал, как натужно стонала и хрустела лестница, когда по ней взбиралась громоздкая туша сгарха. Трехпалый решил лично проверить обстановку, а заодно и себя показать.

Судя по пораженным вскрикам, донесшимся от подножия стены, зверю это сполна удалось. Гномов они уже видели, осталось показать им меня «красивого». А потом уже и поговорить.

– За ущельем наблюдают? – спросил я у Рикара.

– Могли бы и не спрашивать, господин, – обиженно пробасил здоровяк.

– Стефий?

– Сеет. – фыркнул Рикар.

На этот раз я обернулся.

Да, на стене виднелась тощая фигура Стефия, щедро сыпавшего со стены пригоршни зеленоватой пыли. Цветок Раймены...

– Пусть закончит до того, как я спущусь.

Попадать под дико обжигающий любую нечисть «дождь» я не собирался. Порывы ветра уносили большую часть молотого цветка Раймены прочь, но хватит и маленькой толики...

Едва только мы утвердились на платформе, как она понесла нас к подножию стены. Сверху донеслись нарочито громкие и отчетливые звуки – звяканье мечей о щиты, звон тетивы, щелканье арбалетов. Несколько успокоившиеся воины показывали, что готовы прямо сейчас жестоко покарать любого, кто осмелится покуситься на жизнь спускавшейся к чужакам группы.

Сюрпризы начались, едва только подъемник опустил нас на твердую землю. Первый же мой шаг вызвал вспышки на припорошенном молотой Райменой снегу. Искры замелькали и в воздухе. Святая травка буквально вспыхивала под моими ногами, прямо указывая, что закованный в сталь воин является «темным». Нечистью, нежитью, тварью...

Чужаки отпрянули, не сводя насторожившихся глаз с моей приближающейся мрачной фигуры.

– Сними шлем! – рявкнул Тиберий, выхватывая из ножен меч.

– Не тебе здесь командовать! – разъяренно проревел Рикар. – Завали пасть и убери меч, пока я тебе его не засунул в...

– Рикар! – осадил я свою бородатую няньку. – Требование законно. Пусть смотрит.

Подняв руки, я обхватил шлем ладонями и медленно снял его, одновременно «отпуская» щупальца. Эффект получился впечатляющий. Сначала открылось мое серое промороженное лицо с льдинками светящихся глаз, а затем за плечами взмыли щупальца, яростно застегавшие воздух. Воин в стальной броне разом превратился в страшное чудовище из детских сказок.

– Добро пожаловать в наш дом, добрые люди, – улыбнулся я, чувствуя, как с похрустывающих губ срываются чешуйки инея.

– Что ты такое?! – просипел разом лишившийся голоса Тиберий.

Я мог понять его смятение – он собственноручно привел своих людей в ловушку. Привел в лапы нежити. Это было не так, но он так думал.

– Он наш добрый господин Корис Ван Исер! – мрачно произнес Рикар. – Я тебе уже сказал: меч убери! Повторять не буду! И вы! Все! Вашей жизни ничто не угрожает! Уберите оружие! Либо убирайтесь прочь! Еще не хватало, чтобы в нашем доме, на нашего же господина направляли мечи! Эй ты! Убери стрелу с лука! Или я тебе эту руку отрублю по самое плечо! Живо!

Да уж, производить впечатление Рикар умел. Зверское выражение лица, огромные лапищи, стиснувшие топориче, разъяренный голос и сквозившая в каждом слове тяжелая уверенность. Этот и правда отрубит и даже не задумается.

Стоявший за Тиберием юноша с луком буквально отдернул руку от тетивы, словно ужаленный. Да и остальные хоть немного расслабились, будто замороженные командирским тоном бородача Рикара.

Я продолжал стоять неподвижно, поочередно оглядывая каждого из пришедших.

– Что ты...

– Кто! – оборвал я Тиберия. – Я не что! Я кто! Корис Ван Исер.

– Ты нежить!

– Да что ты? – ухмыльнулся я. – А я и не предполагал даже! Думал, что просто заболел! Застудился немного, вот лицо и покрылось ледяной коркой! Слушай меня внимательно, Тиберий! Это не я пришел к вашему поселению, это ты пришел ко мне и постучался в наши двери! Поэтому знай свое место! Любить себя не заставляю, жалости не хочу, а вот уважение обязательно! Теперь поподробней – я не нежить. Хотя очень близко подошел к этому рубежу. Не по своей воле. Так уж случилось. Но я не убиваю людей и не пожираю младенцев на завтрак! А теперь решай прямо сейчас: либо вы разворачиваетесь и уходите той же дорогой что пришли, либо прекращаете пялиться на меня, словно на самого Темного, и поднимаетесь туда, где вас обогреют и накормят. После чего мы будем разговаривать дальше.

– Сгарх! – тонко пропищал мальчишка, указывая пальцем на стену. – Это снежный сгарх! Я знаю!

– Верно, – кивнул я. – Это сгарх. Наш друг. И не единственный. Так что, Тиберий? Что ты выбираешь? Назад в холод и выюгу, но подальше от страшного меня, либо в тепло и уют, но в компании с заледеневшим чудовищем? Отвечай.

– Я... я должен поговорить со своими людьми. – хрипло отозвался Тиберий. – Я должен поговорить... Корис.

– Что тут думать, Тиберий! – вперед шагнул седобородый, но еще крепкий широкоплечий мужик с шипастой палицей на поясе. – За нами шурды! Дороги назад нет! Я не знаю, что с этим человеком, но посмотри – вокруг него обычные люди! А со стены сыпется священная Раймена!

– Вы привели за собой шурдов... – медленно произнес я, бросая короткий взгляд на Рикара.

– Сколько их? – рыкнул здоровяк, игнорируя Тиберия и обращаясь напрямую к седобородому. – Далеко?

– Несколько десятков, – устало ответил тот, – пара поводырей, с десятков пауков. Неотступно идут по нашим следам, словно охотничьи псы. Мы не хотели беды вашему дому! Так уж вышло...

– Об этом надо было сказать раньше! – рявкнул здоровяк.

– Так уж вышло. – повторил я. – Верно, так уж вышло. Рикар! Готовь оборону! Вы все – на платформу. Отсюда надо убираться. Быстрее! Быстрее, я сказал! Не собираюсь я откусывать ваши головы и выжирать внутренности! Займитесь ими. – велел я уже своим воинам, после чего круто развернулся к ниргалам: – На стену! Доспехи не трогать! Встать в ряды воинов на стене!

Интонации моего голоса не оставляли возможности возразить. Ниргалы послушно зашагали к платформе, хотя и с неохотой.

А я задрал голову и встретился взглядом с огромной парой глаз.

«Трехпалый... друг мой, помнишь наш уговор? Если твари у ворот...» – задал я мысленный вопрос и тут же получил ответ.

«Помню. Я спускаюсь», – в рычащем «голосе» Трехпалого послышалась отчетливая и кровожадная радость. Его мысленный рык буквально испускал флюиды предвкушения.

Гигантский зверь отпрянул от края стены. Мелькнула огромная тень, и вскоре сгарх в нетерпении переминался у подъемника, ожидая, когда его смогут спустить ко мне.

По поведению Трехпалого поняв мой приказ, Рикар громко выругался. Здоровяк знал, что именно я замышляю, и о чем уговаривался со снежным сгархом. И как всегда мой план ему абсолютно не нравился. Но поделаться он с этим ничего не мог.

Мой замысел сработал идеально.

Шурды трусливы. Фанатичны, жестоки, умны, но трусливы. И в расчетливости им не откажешь.

Поэтому я сразу понял, что несколько десятков темных гоблинов с подкреплением в виде костяных пауков никогда не рискнут атаковать хорошо защищенное поселение. Едва они завидят открывшуюся за поворотом ущелья преграду, как тут же развернутся и поспешат прочь, поняв, что загоняемая

добыча на этот раз ускользнула. Нет смысла бросаться на высоченную стену, поэтому шурды отступят и направятся к ближайшему поселению своих собратьев. Правда, темные гоблины еще не знали, что в округе больше нет ни одного шурдского гнездовища. Мы выжгли их. Теперь там лишь пустые зловонные норы, пропахшие смрадом сгоревшей плоти. Но они этого не знают. Но и это неважно. Потому что я не собирался выпускать этих тварей из ущелья. Если они и уйдут, то только в виде вонючего дыма, исходящего от их погребального костра.

Чуть поведя глазами, я взглянул перед собой сквозь смотровые прорези шлема. Мимо тянулся жидкий отряд шурдов, окруженный костяными пауками. Большая часть гоблинов уже прошла, направляясь прямо к нашему поселению.

Я продолжал терпеливо ждать, ничем не выдавая своего присутствия. А в моей ледяной голове помимо холодной злости нарастало удивление. Так гигантский человек смотрит на укусившего его крошечного ядовитого паука и все никак не может поверить, что это ничтожное создание убило его.

Вот и здесь то же самое. Исковерканные уродливые шурды, слабые по сравнению с человеком, уступающие ему во всем, были здесь полновластными хозяевами. Замотанные в грязные шкуры колченогие уродцы правили балом...

И это никак не укладывалось у меня в голове. Этого попросту не могло быть. Сами по себе шурды просто ничтожества. Темная магия – это лишь небольшое преимущество. Века назад Церковь смогла расправиться с мощной силой темных некромантов Раатхи, куда более могущественных, чем шурды. Куда более организованных. Куда более опытных. Куда лучше знающих тонкости темной магии. И все же шурды продолжали жить и здравствовать на огромных территориях, а могущественное королевство добровольно отказалось от своих прав на эти земли и отгородилось Пограничной Стеной. Что-то прогнило в сем славном королевстве...

Пробегающий мимо «свежий» костяной паук внезапно остановился и круто развернулся в мою сторону. Я не шевельнулся – шурды еще не обратили внимания на поведение паука и продолжали шагать, все дальше заходя в западню. Я молча смотрел в пылающие глазницы черепа – еще свежего, с обрывками плоти и потеками почерневшей крови. Возможно, он принадлежал тому самому Тибериану, боевому магу и правителю островного поселения.

Глаза паука полыхнули ярче, нижняя челюсть клыкастого черепа дернулась вниз, раздался леденящий душу визг. Все-таки нежить что-то учуяла... да и плевать.

«Пора», – мысленно произнес я, обращаясь к гигантской белоснежной спине, к которой я прильнул всем телом.

«Добыча!» – с веселой яростью пришла ответная мысль. Ни единой нотки страха. Лишь жадное нетерпение.

Огромное тело подо мной мягко шевельнулась, и через мгновение перед опешившими шурдами из-под снежных наносов восстал разъяренный сгарх с черным всадником на спине. Огромный пласт снега спадал с нас комьями, открывая меня и зверя во всей красе. Чудовищный зверь и не менее чудовищный всадник.

По бокам от нас столь же стремительно вздымались не меньшие по размерам снежные бугры – сородичи Трехпалого спешили принять участие в намечавшемся веселье. Дожидаться их я не стал.

Трехпалый рванулся вперед, и не успел я моргнуть, первые два шурда оказались разорваны в кровавые клочья. И лишь в этот момент над ущельем разнесся тревожный крик одного из поводырей. Поздно, твари! Пути к бегству отрезаны – несущий меня сгарх в два прыжка занял позицию позади карательного отряда темных гоблинов. Мимо нас не прорваться. Мимо нас не пройти.

С жалобным хрустом под лапой Трехпалого смялся череп одного из костяных пауков. Дернувшись вбок, я неизящным кулем сверзился на землю, ибо не желал оставаться лишь зрителем в первых рядах кровавой бойни. Я просто изнемогал от жажды принять в ней непосредственное участие. Как и мои жадные до жизненной энергии щупальца, сразу же потянувшиеся к ближайшим противникам. Я не стал сопротивляться и шагнул к врагам – к их вящему ужасу, стоило гоблинам увидеть веер щупалец и светящиеся в бойницах шлема глаза.

Удар! Один из шурдов инстинктивно хватается за вонзившееся в его тощее горло щупальце, но его руки-тростинки тут же бессильно падают, а затем и он сам рушится на землю. Мне в глаза бьет зеленый свет из глазниц верещащего паука, в голове шелестит потусторонний голос. Меня порабащующая магия

пауков даже не замедлила. Лишь прибавила злости. От мощного пинка паука подбрасывает вверх, где он тут же попадает под раздачу щупалец, буквально разорвавших его на части. На мои плечи посыпался дождь из сломанных костей. Мимо проносится громадная стремительная тень, в уши бьет надсадный хрип нескольких глоток. Один из сгархов буквально впечатал в землю сразу группу шурдов, раздавив их головы и грудные клетки, испятнав свой белоснежный мех кровавыми кляксами.

Крики, стоны и хрипы агонии на короткое время заполнили узкое ущелье. Совсем ненадолго. Я еще успел добить подранка со сплюснутым тазом, с воем пытающегося уползти прочь. А потом все закончилось. Столь же быстро, как и началось.

«Мало! – буквально простонал Трехпалый, встряхивая головой. С его оскаленной пасти срывалась кровавая слюна и пена. – Мало!»

«Мало», – со столь же большим разочарованием согласился я.

Я толком не успел сосчитать шурдов и пауков, пожаловавших к нам в гости. Но их было не больше двух десятков. Может, на пару-другую тварей больше. Где-то с десятков мерзких костяных пауков.

Против четырех сгархов, меня и десяти стрелков, залегших в сугробах чуть дальше по ущелью, шурды не смогли поделаться ровным счетом ничего. Вернее, кое-что они сделать все же сумели – они умерли.

«Нет!» – мысленно крикнул я одному из сгархов, решившему поиграть с последним шурдом.

Прямо-таки гигантский кот и уродливая мышка. От небрежных тычков когтистой лапы прижавшийся к скальной стене шурд с гребнем поводыря на сплюснутой макушке орал и обливался кровью из многочисленных порезов. Сгархи – это не милые и тупые зверушки. Они разумны и крайне жестоки к своим врагам. Обожают вымещать ненависть и приносить им страдание. Осуждать их я не собирался – им было за что мстить.

«Надо убить!» – с яростью прошипел сгарх, заноса лапу для следующего удара.

- Надо, - хрипло произнес я, снимая шлем. - Чуть позже я отдам его тебе, мой снежный брат.

Сгарх неохотно отступил на шаг, продолжая нависать над уродцем, словно бог возмездия.

Крови вокруг поводыря было столько, что сразу становилось ясно - он не жилец. Я поспешно зашагал к нему, по пути наступив на мертвую ладонь со скрюченными грязными пальцами. Она лишь хрустнула под подошвой, словно влажный сучок.

- Ты, - прошипел я, - знаешь наш язык, тварь? Знаешь?!

- Почему такой, как ты, на их с-с-стороне? - изнемогая от боли и ужаса, отозвался шурд. - Ты из наш-ш-ши-и-их...

- Перебьешься, ублюдок, - сплюнул я. - Почему вас было так мало?! Сколько еще на подходе?

- Этого хватало... - едва слышно ответил шурд. - Хватало, чтобы загнать добычу... вы помешали... Вы вс-се с-скоро умрете!

- Мне уже много раз это говорили. - усмехнулся я, лихорадочно пытаюсь сообразить, какие вопросы задать умирающему шурду. Долгой беседы не получится.

- Он вос-с-стал! - с торжеством выплюнул поводырь. - И он придет за вами! Так же, как и за теми людиш-шками с ос-строва! Он привел нас-с туда! Он показал, как захватить! Приведет и с-сюда!

Похоже, шурда расспрашивать не придется - он просто жаждал выговориться. Тем лучше.

- Кто восстал? - рявкнул я. - Имя!

- Вс-се знают его великое имя! Вс-се! Знают и не осмеливаются произнес-сти! Тарис-с-с! Тарис-с-с! Тарис-с-с! Тари...

Дернувшись всем телом, шурд-поводырь захрипел и обмяк, содрогаясь в агонии.

- Тварь! – выдохнул я, делая шаг вперед.

Мои щупальца обрадованно рванулись, впиваясь в окровавленную грудь и торопясь высосать оставшиеся крохи жизненной энергии. Дернувшись в последний раз, шурд умер, на его лице застыла злорадная усмешка.

А я развернулся и зашагал к защитной стене поселения. В моей ледяной голове пронзительно выл зимний ветер, предвещающий скорую беду.

Тарис! Тарис! Тарис!

Тигр! Тигр! Тигр!

Если шурд не соврал, то проклятый принц-некромант сумел выбраться из гроба и выплыть из стылых вод мертвого озера.

Древний некромант воскрес. Древний некромант вернулся.

Но правда ли это? Или шурд лишь пытался запугать нас, перед тем как умрет?

Возможно.

Но сейчас я знал только одно – там, в моем форте, у теплой печи сидели люди из разоренного островного поселения. Оставшиеся свидетели страшной атаки.

Даже если мне придется убить их всех, я вытрясу из их памяти нужные мне ответы!

Потому что погибший шурд сказал важную фразу: «Он привел нас туда!» Если сам Тарис повел силы шурдов в атаку, его могли видеть. Высокую человеческую фигуру среди низкорослых шурдов. Фигуру, сумевшую взломать магическую защиту поселения.

Я не знаю, как умер старый маг Тибериан. Но я обязательно это выясню.

С вершины стены донесся многоголосый торжествующий вопль – сгрудившиеся воины праздновали нашу победу и потрясали оружием. Я лишь коротко взмахнул рукой в ответ, тяжело шагая к опускающейся платформе подъемника.

Ко мне подбежал Рикар, на ходу бросающий арбалет в руки воина из отряда стрелков.

– Случилось что, господин Корис?

– Да. – подтвердил я. – Может, и случилось. Один из шурдов перед смертью сказал, что их бог Тарис восстал из мертвых. И что теперь он возглавляет их силы.

– Милостивый Создатель! – Рикара пошатнуло. – Что вы такое говорите, господин!

– Что слышал, то и говорю. – усмехнулся я. – Мне нужно поговорить с Тиберием. Прямо сейчас. Поговорить подробно. И собери всех главных во дворе. Послушаем вместе.

– Да, господин. О Создатель, яви нам свою милость!..

Дальше мы шагали молча, каждый погружен в свои мысли.

Слова умирающего темного гоблина до сих пор звучали у меня в ушах. Он сказал так мало и так много одновременно. Всего несколько фраз несли целую уйму сведений.

Тарис восстал из мертвых и сразу же возглавил всех шурдов. Взял власть над темными гоблинами в свои руки. И не теряя времени направил их войска в атаку. Островное поселение, возможно, было не единственным, подвергшимся нападению. Может, и другие попали под удар. Теперь картам Диких Земель вообще нет доверия.

И самое главное – из слов шурда становилось ясно, что времена изменились. Жестокий правитель во главе не менее жестоких подданных – это смертельное сочетание. А если добавить сюда темную магию – армия шурдов будет

пополняться мертвяками и пауками после каждой атаки. И другими, куда более ужасными тварями. Например, киртрассами. Ведь теперь есть Тарис, могущественный и опытный некромант. И не придется долго ждать, прежде чем они пожалуют к нашим стенам и ринутся в бой.

А еще у Тариса есть большой зуб на меня лично. На того, кто не открыл Ильсеру. На того, кто сбросил саркофаг с телом некроманта в мертвые холодные воды. И мне почему-то кажется, что принц Тарис не из тех, кто прощает обиды. Проклятье...

– Господин! Если Тарис и правда воскрес... выстоим ли? – задал терзающий его вопрос здоровяк.

– Не знаю. – глухо отозвался я. – Не знаю. Говорю же, надо расспросить людей из островного поселения. Расспросить так, чтобы они вспомнили все до мельчайших подробностей! Я хочу знать, как именно шурды сумели взять островное поселение!

– Они обязательно расскажут нам все что знают! – согласно кивнул Рикар. – Обязательно расскажут!

Вступая на платформу подъемника, я буквально чувствовал, что над Подковой распростерла свои черные крылья беда. Даже солнце уже не казалось ярким.

Тарис – это страшно. Это равнозначно слову смерть.

Отступление второе

В эту мрачную и сырую пещеру, спрятанную глубоко под Ледяными Пиками, и раньше редко кто осмеливался заходить.

Теперь же шурды боялись приблизиться больше чем на двадцать шагов к узкому извилистому коридору, ведущему в личные покои Нерожденного. А при виде того, что новый Хозяин сделал с самим Нерожденным, сердца привычных к виду мертвой плоти темных гоблинов сжимались от дикого ужаса.

Увидеть Нерожденного сейчас мог каждый желающий – бывший властитель шурдов теперь стал чудовищным привратником у входа в личные покои Тариса Некроманта. И зрелище было поистине ужасающим.

Все помнили, как бог Тарис впервые вошел в город шурдов. Этот день никогда не сотрется из памяти ничего не забывающих темных гоблинов. В этот день изменилось все...

И сейчас старый плешивый гоблин Гукху, что на протяжении двадцати лет прислуживал великому шаману Нерожденному, в страхе корчился у широкого пролома, ведущего в святая святых подземного города шурдов.

Гукху не сводил взора с ужасного создания, прикинувшегося к влажному камню у самого пола и тихо что-то шепчущего непонятно кому. Гукху боялся не привратника, душу старого гоблина сотрясал ужас не от дверного стража, а от того, чей покой он оберегал. Да и трудновато удивить много чего навидавшегося дряхлого шурда, самолично и многократно в юные годы свежавшего людей заживо и творящего с их телами ужасные вещи. Хотя такого ни одному шурду не повторить никогда. Несмотря на свой гротескный уродливый облик, было в нем что-то... что-то прекрасное.

Восемь длинных лап поддерживают длинный торс, слепленный из двух позвончиков и реберных костей. Два злобно оскаленных клыкастых черепа со светящимися глазницами прикинули височными костями друг к дружке, оставшись неразлучными даже после смерти. Это не просто костяной паук. Это настоящее творение великого мастера. Творение Отца Тариса. Творение бога...

Вновь и вновь, глядя на страшного стража, старый Гукху вспоминал тот великий день, начавшийся столь обыкновенно и даже обыденно.

Утренняя кормежка престарелой матери Нерожденного – упрямая беззубая старуха противилась попыткам ее накормить, выплевывала жидкую кашу, визгливо причитала и кашляла. Но Гукху справился. Привыкший к выкрутасам противной старухи, шурд, как всегда, справился...

С трудом сдерживая рвущиеся с губ стоны от пронизывающей спину боли, прислужник небрежно отер тело старухи куском замусоленной шкуры, убирая остатки выплюнутой еды и естественные выделения. По приказу великого

шамана Нерожденного, осторожно расчесал жидкие седые пряди. И на этом все закончилось. Никто и не подозревал, что приказ расчесать собственную мать окажется последним приказом Нерожденного, столь долго правящего расой шурдов.

Ибо именно в этот момент все и произошло. Сначала до спрятанной в недрах скалы пещеры донеслись глухие крики, эхом отражающиеся от стен. Затем наступила мертвая тишина, длившаяся долгие минуты и нарушенная мерным и отчетливым шумом шагов, усиливающимся с каждой секундой. Еще ничего не увидевший Гукху сразу понял, что кем бы ни был незнакомец, приближающийся к пещере, это не шурд. Темные гоблины не умели ступать так величаво, да и не обладали настолько длинными конечностями, чтобы суметь сделать столь широкий шаг. Им свойственно дробное и неритмичное ковыляние, шарканье и хромота. А здесь прямо-таки чеканный шаг, хотя несколько и глуховат...

Старый шурд не успел обдумать свое умозаключение, когда в широком проеме мелькнула высокая фигура. Столь высокая, что все сомнения отпали полностью. Это был не шурд. И не обычный гоблин... В самое сокровенное место подземного города зашел человек. Зашел нагло и свободно, никем не остановленный, ничего не боящийся.

– И это тронный зал? – в хриплом голосе слышалась злобная насмешка вперемешку с непонятной скорбью. – И это ваш тронный зал?! Зловонная пещера, утопающая в грязи и нечистотах! А это... это жалкое создание – ваш правитель?! Не этого я желал, когда выковывал ваш род, не такое будущее представлял! Отребье!

В горячем бассейне яростно колыхнулась сернистая вода, в пещере пронесся пронзительный крик Нерожденного:

– Человек! Здесь! Кто ты... – голос великого шамана резко осекся, послышался тихий и противный скулеж, наполненный диким ужасом.

Нерожденный узнал вошедшего. Не по внешности. А по тому мощному и характерному посылу энергии, чей рисунок знали все шурды до единого. Так еще не открывший глаза звереныш безошибочно узнает по запаху свою родную мать. Гукху все понял одновременно с шаманом, равно как и старуха-гоблинша, зашедшая в диком хохоте.

В тронный зал шурдов вошел не кто иной, как бог. Отец Тарис явился к своим детям.

– Как смеешь ты править шурдами, если до сей поры не можешь даже часа прожить без своей матери! – голос Тариса набирал обороты, по сырому камню тяжело ступали ноги, с плеском разбрызгивая мелкие лужи. – Лежа в своем узилище, я много раз слышал это имя – Нерожденный! О, как загадочно! Как величаво! Я жаждал встретиться с тобой! И вот я здесь! Но что я вижу? Правителя? Нет, жалкого червя, плещущегося в луже. И это мои дети?!

– Такими мы приходим в этот мир, Великий Тарис! Такими рождаемся по воле твоей.

– Какое разочарование...

– Мое тело слабо, но дух силен! Я верно служил тебе! И каждый день обращал лицо к святыне, где возлежал ты!

– Верно служил?! Обращал лицо?! Вонючий червь! Ты допустил, чтобы живой ключ к моему узилищу добрался до Ильсеры, но не открыл ее, а сбросил вместе со мной в стылые воды! И позволил чужаку уйти беспрепятственно! Так ты считаешь своего бога?! Так ты чтишь имя мое?! Так ты оберегаешь мой покой?! Ничтожество!

Одновременно с последним выкриком Тарис шагнул в бассейн с парящей водой, оказавшись вплотную с Нерожденным. Вонючая вода колыхнулась, заливая грудь некроманта.

– Я служу тебе... – начал великий шаман. Начал и замолк, ибо на его тощем горле сомкнулась влажная и распухшая рука мертвяка.

– Больше ни слова, – прошептал Тарис, подтаскивая слабо трепыхающегося шурда к себе. – Ни единого словечка. Знаешь, пожалуй, тебе пора стать взрослым. Пора начать жить собственной жизнью. Думаю, ты уже достаточно терзал плоть и душу своей матери. Плохой из тебя получился сын...

Короткий рывок за полупрозрачную пуповину не оборвал ее, но скинул старуху с каменной лавки, со сморщенных губ которой продолжал срываться безумный и невероятно радостный смех. Старческое тело содрогалось, колотило по камню руками и заходилось в диком хохоте. Старуха праздновала... всем своим нутром она почувствовала скорое избавление от постылой жизни. Но ее надеждам не суждено было сбыться.

– Хотя... – вновь зашептал Тарис. – Ты ведь всем сердцем любишь свою мать, да, червь? Так и быть. Я всегда был излишне мягок к своим подданным... Я позволю вам остаться вместе навечно! И продолжить верную службу. И начну я, пожалуй, с твоих рук. Кажется, на них слишком много плоти – да, великий шаман Нерожденный? Лишнее надо убрать. Лишнее никогда не доводит до добра. Старик!

Каким-то чудом старый Гукху вовремя понял, что Отец Тарис обращается именно к нему.

Вставать на колени не пришлось – старый гоблин давно уже лежал ничком, вжавшись в камень каждой клеточкой своего дряхлого тела. И поэтому он лишь прошептал:

– Да, о величайший...

– Принеси света, старик, – благодушно проворковал принц Тарис, с отчетливым хрустом ломая указательный палец Нерожденного. – Любимым делом надо заниматься при хорошем освещении. Много света! И не заставляй меня ждать.

Издав полузадушенный писк, Гукху бросился бежать к выходу, столь быстро переставляя дрожащие ноги, словно к нему вернулись лучшие годы его далекой молодости. А за спиной старика нарастали воющие крики боли Нерожденного, в чьи стоны вплелся безумный хохот его матери, что через соединяющую их пуповину ощущала невыносимую боль своего сына и злобно радовалась ей.

После того навеки врезавшегося в память всех шурдов дня у пещеры появился страж, чье тело было искусно слеплено из тел сына и матери.

Но это было не единственное изменение в повседневной жизни темных гоблинов. Едва только уродливое создание поднялось на множество лап и,

покачиваясь, двинулось к выходу, Тарис велел созвать совет старейшин. Старые шурды собрались быстро. Но недостаточно быстро. Едва только последний из шурдов вошел в пещеру, как его тут же постигла смерть.

– Не люблю, когда опаздывают. – прокомментировал Тарис, глядя, как павший от его руки шурд лежит в луже собственной крови.

А еще через несколько часов во все стороны от Ледяных Пиков хлынули разведывательные отряды, следом за которыми выступили основные силы темных гоблинов, возглавляемые самим Тарисом, восседающим на гигантском сгархе с пепельной шкурой. Фигура Тариса Некроманта была полностью скрыта белоснежным плащом. Восставший из многовекового плена бывший принц и бывший наместник Западных Провинций рвался на простор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/dem-mihaylov/krovavaya-vesna>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)